

001 (Даг)
С-33
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

**МАТЕРИАЛЫ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ИТОГАМ
ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ДАГЕСТАНЕ в 1976—1977 гг.**

(Тезисы докладов)

Махачкала 1978

М. Г. Гаджиев

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНЕЗИСЕ
ПАЛЕОМЕТАЛЛИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА

1. Проблема генетической связи раннебронзовой куро-аракской культуры с предшествующими ей местными энеолитическими культурами является одной из актуальных в первобытной археологии Кавказа. Несмотря на выявление некоторых фактов преемственности между ними, в Закавказье до сих пор не удалось выявить область формирования черной, серой и красной лощеной керамики, придающей куро-аракской культуре неповторимый облик. На известных сейчас многослойных поселениях Закавказья, где энеолитические слои перекрыты куро-аракскими, четко устанавливается отсутствие генетической связи между ними.

2. В плане изучения проблемы Дагестан до сих пор не привлекал внимание исследователей. Здесь были известны лишь сравнительно поздние комплексы куро-аракской культуры, происходящие из пос. Каякент, Великент, Мамайкутан и т. п., ввиду чего он естественно считался вторичным очагом развития этой культуры. Не изменило положение и открытие в горном Дагестане новых памятников раннеметаллической эпохи (Гинчи, Мекеги, Чинна, Галгалатли и др.). Для установления взаимосвязи куро-аракской культуры с предшествующей ей позднеэнеолитической и энеолитической культурой (Ругуджа, Гинчи) нужны бесспорные стратиграфические данные из раскопок многослойных поселений. Такие данные стали поступать в результате раскопок Прикаспийской археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1977 г. у с. Каякент, Великент и Мамайкутан, материалы которых в значительной степени расширяют наши представления о развитии культуры Дагестана эпохи раннего металла и ее генезисе.

3. а) Наибольший интерес представляют раскопки двух поселений у с. Каякент (Геме-тубе—I и II). На Ге-

86497

Махачкала 1
научная библиотека

ме-тюбе—I прослежены 4 стронительных горизонта, из которых нижние 3 представляли собой перекрывающие друг друга остатки круглоплановых каменных построек. Во всех горизонтах наряду с характерной для куро-аракской культуры керамикой с рельефной орнаментацией из спиралей и концентрических кругов обнаружена сравнительно поздняя керамика с грубо обмазанной внешней поверхностью. Относительно поздний возраст памятника подтверждает также находка в верхнем горизонте каменного сверленного топора, «кабардино-пятигорского типа», с огранкой.

б) На расположенном рядом пос. Геме-тюбе II также выявлены 4 стронительных горизонта, материалы которых однако относятся к более ранним этапам развития. Очевидно, Геме-тюбе—II хронологически и в культовом отношении предшествовало Геме-тюбе—I. В двух верхних горизонтах Геме-тюбе—II обнаружены выкладки из валунов, полы, выложенные битой посудой, вырытые в полу стационарные очаги, стенки которых обмазаны глиной. В III горизонте выявлены глинобитные полы легких круглоплановых построек с такими же очагами в центре. Во всех трех горизонтах встречена весьма архаичная керамика куро-аракского типа, в III горизонте она аналогична керамике «дидубе» кикетского типа. Каменный инвентарь представлен зернотерками, кремневыми двусторонне обработанными вкладышами, (в III горизонте встречены ножевидные пластины) и др.

В нижнем IV горизонте вскрыты зауглубленные в землю жилища (полуземлянки) овальной формы, традиционные круглые очаги. Чернолощенная и серолощенная керамика, нередко высококачественная, сопровождается краснолощенной, тоже высококачественной керамикой, которая в горном Дагестане (Гинчи) найдена в одном комплексе с архаическим каменным инвентарем и расписной керамикой, датируемой не позднее нач. IV тыс. до н. э.

в) Присутствие керамики раннего этапа развития куро-аракской культуры зафиксировано еще на двух многослойных поселениях Прикаспийского Дагестана (Великент, Мамайкутан).

4. Данные раскопок прикаспийских поселений согласуются с рисуемой по материалам раннеземледельческих поселений горного Дагестана (Ругуджа, Тинчи, Чинца, Мекеги, Галгалатли) картиной непрерывного эволюцион-

ного развития местной культуры на протяжении V—III тыс. до н. э. Это позволяет поставить вопрос о расширении области поисков первичного ареала куро-аракской культуры за счет включения в нее Дагестана и, может быть, еще некоторых областей Северного Кавказа.

instituteofhistory.ru

В. М. Котович

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВ ДРЕВНИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ДАХАДАЕВСКОМ РАЙОНЕ ДАГЕСТАНА

1. Проводящиеся в последние годы Институтом ИЯЛ планомерные поиски и исследования древних наскальных изображений в Дагестане привели к выявлению в горных районах республики крупнейшего на Кавказе очага рисунков, выполненных минеральной краской. Наибольшее количество местонахождений таких изображений (17) известно на сегодняшний день в Дахадаевском районе. Общее количество изобразительных единиц, зафиксированных на этих местонахождениях, приближается к трем тысячам. Они выполнены преимущественно линейными и точечными рисунками красной и желтой краской разных оттенков. Чаще всего встречаются изображения козлов, лошадей, всадников, солярные символы и многочисленные точечные знаки, сочетания которых нередко образуют самостоятельные рисунки.

2. В полевой сезон 1976 г. были проведены контрольно-сверочные работы на одном из этих местонахождений у ишаринского хутора Санжи. Здесь, на стенах труднодоступного грота, красной краской преимущественно линейным рисунком нанесено много изображений безоаровых козлов, лошадей, всадников, солярных знаков и геометрических фигур. Привлекает внимание весьма оригинальная, нигде более не встреченная трактовка ног у фигур безоаровых козлов в виде двух прямоугольников, а также полное отсутствие точечных рисунков, столь характерное для других местонахождений Дахадаевского района. В процессе проделанных работ среди основной массы линейных рисунков здесь удалось выявить

несколько более архаичных, силуэтных рисунков. Один из них возможно изображает зубра — древнее промышленное животное дагестанских высокогорий, совершенно исчезнувшее и из тематики наскальных изображений и из остеологических материалов археологических памятников уже к концу Птысячелетия до н. э. Изучение стилистических особенностей рисунков и образованных ими сюжетов позволяет датировать изображения Санжинского грота в хронологических рамках эпохи бронзы — раннего железа. Не исключен более ранний возраст силуэтных рисунков.

3. В последнее время поступили сведения о новых местонахождениях рисованных наскальных изображений в северной части Дахадаевского района, а также в Агульском, Курахском и Табасаранском районах. Это подтверждает высказанное прежде предположение о возможности нахождения подобных рисунков вблизи Текиндагской и Штульской залежей Южнодагестанской группы сидеритовых руд — главного источника сырья для получения минеральных красок и позволяет надеяться, что число местонахождений древних рисунков в горных районах Дагестана со временем еще более увеличится, существенно пополнив круг источников древней дагестанской истории.

О. М. Давудов

РАСКОПКИ БЫТОВЫХ, ПОГРЕБАЛЬНЫХ И КУЛЬТОВОГО ПАМЯТНИКОВ НА ЮГЕ ДАГЕСТАНА

1. В 1976—1977 годах Южнодагестанская археологическая экспедиция продолжала раскопки Мугерганского могильника. Вновь выявленные погребальные сооружения, как и более ранние, характеризуются овальными и четырехугольными грунтовыми могилами, перекрытыми деревянными плахами, сверху засыпанными землей и выложенными камнями. На полу могил и на уровне древней дневной поверхности вскрыты следы погребальных костров. Костяки лежали скорченно на левом или правом боку. При наличии северной и северо-восточной

ориентации преобладает юго-западная. В одном случае кости умершего были захоронены в горшке. Возможно разрозненные кости, в большом количестве встреченные на этом могильнике хотя бы частично остались от вторичных захоронений.

Инвентарь представлен толстостенной и тонкостенной керамикой, разнообразными металлическими украшениями и предметами вооружения. Тонкостенная керамика представлена черными и серыми, в том числе аспидно-серыми изделиями. Изредка встречаются красные сосуды.

2. Погребальные сооружения, обряд и инвентарь Мугерганского могильника характеризуют материальную культуру племен Южного Дагестана эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также албано-сарматского времени. Аналогичные мугерганским погребальные сооружения и обряд встречаются на территории распространения т. н. восточногрузинской культуры и в приграничных с ней районах поздней бронзы. С XIII в. появляется на некоторых памятниках Закавказья и Ближнего Востока сероглиняная керамика. Подавляющее большинство исследователей связывает появление грунтовых могил с деревянными конструкциями и каменной выкладкой, конских погребений, а также сероглиняной керамики с проникновением иранских племен. В Южном Дагестане вместе с серой керамикой появляются кувшины со сливными носками.

Тревожная ситуация, созданная проникшими иранскими племенами, боевыми действиями между разными местными племенами и народами, неизбежно должна была породить к жизни технические новшества (в том числе производство железа, восстановительный способ обжига керамики и т. д.). Эта же ситуация, очевидно, породила у некоторых этнических групп новые типы погребальных сооружений и погребального обряда, а также привела многие народы в движение. Во всяком случае, в конце II—начале I тысячелетий до н. э. на Северный Кавказ проникают новые археологические культуры, генетически не связанные с культурами предшествующего времени этого региона.

3. Начаты раскопки на территории могильника, расположенного по обе стороны трассы Москва—Баку на месте бывшего сел. Мемраш, на западной окраине нынешнего сел. Советск Магарамкентского района.

Выявлены грунтовые могилы, две из которых в форме вытянутого узкого четырехугольника перекрыты поперечно уложенными речными глыбами и содержали вытянутые на спине костяки подростков с северо-западной ориентацией, а две в форме, близкой к квадрату или овалу, содержали остатки костей ребенка, возможно, вторичного погребения. Внутри последних погребений и на уровне древней поверхности отмечены следы погребальных костров.

В расположении инвентаря внутри могил прослеживается четкая закономерность.

По характеру погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря Мамрашский могильник примыкает к могильникам Шаракунского типа.

Дата выявленных комплексов определяется по импортным изделиям, в том числе и по сарматской курительнице прохоровского времени (IV—II вв. до н. э.).

4. Начаты раскопки на бытовом памятнике, расположенном на вершине, на склонах и у подножья оконечности горного хребта, имевшего вид крупной платформы (на восточной окраине бывшего сел. Ганзир Табасаранского района). По краям платформы и на ее склонах имеются циклопические блоки правильной формы, возможно, лежавшие в кладке фортификационных сооружений. На платформе выявлен многокамерный жилой комплекс, ориентированный сторонами по странам света. Две комнаты частично вымощены песчаниковыми плитами. К комнатам с запада примыкали две комнаты, отделенные друг от друга турлучной стеной, но сообщающиеся через проем отсека, в одной из которых найдены печи для приготовления пищи и сосуды для продуктов, в другой — мусорная яма.

Инвентарь представлен серой, аспидно-серой и изредка черной лощеной керамикой, в том числе производственным браком и одним втульчатым костяным наконечником стрелы.

5. По планировке и турлучным стенам на каменном основании Ганзирский комплекс генетически связан с Нижнесигитминскими жилищами второй половины II тысячелетия до н. э. Керамический материал находит аналоги на памятниках Дагестана конца скифского и албано-сарматского времени. Причем, на всех памятниках Южного Дагестана, охватывающих время с конца

II тысячелетия до н. э. до II в. н. э. редко встречается красная керамика и еще реже ангобированная.

6. В 3 км к югу от сел. Хосрех Кулинского района на сравнительно ровной площади раскопаны остатки квадратного каменного сооружения, ориентированного углами по странам света. Изнутри в нем выложен круг, в центре которого находился большой блок в форме параллелепипеда, вероятно, служивший алтарем. Он соединен с проходом в юго-западной стене вымощенной дорожкой. Вымощена и площадь вокруг него.

Под вымосткой и непосредственно под алтарем найдены тайники, в одном из которых найдены два астрагала крупных и один мелкого животного, а также обломок просверленного оселка. Вдоль внутренней стороны северо-западной стены имеется ступенька, выложенная плитами. Под этими плитами встречены слелы костров, черепа мелких и крупных животных и разнообразные предметы вооружения, украшения, конского убора и статуэтки. В различных участках помещения найдены фрагменты обмазанной толстостенной и редко лощенной тонкостенной керамики.

Как планировка, так и характер находок свидетельствует, что мы имеем дело со святилищем. Датируются они VIII—VI вв. до н. э. Предметы материальной культуры, выявленные на Хосрехском святилище характеризуют культуру племен горного Дагестана и их связи с сопредельными и довольно отдаленными племенами и культурными очагами.

instituteofhistory.ru

М. Г. Магомедов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ТЕРСКО-СУЛАКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

1. Верхнечирюртовская археологическая экспедиция НИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в течение 1976—1977 гг. продолжила исследования Андрейаульского городища и связанного с ним могильника, расположенных на берегу Акташа к югу от г. Хасавюрта. Городище примечательно обширными размерами и выразительными культурными отложениями не только рап-

песредневекового, но и албано-сарматского времени, которые проливают свет на происхождение культуры Хазарского каганата.

2. Раскопками выявлены мощные, достигающие более 3,5 м толщины, культурные напластования (всего 10), насыщенные фрагментами серолощенной и изредка красноглиняной керамики и другими бытовыми и строительными остатками, расчлененные между собой полосами прокаленной земли со следами разрушений и пожарищ.

3. Яркая и выразительная сероглиняная керамика из слоев представлена фрагментами сосудов различного назначения, со своеобразным лощением полосками и нередко орнаментированными косыми насечками и различных форм налепами.

Керамика верхних слоев городища выделяется стандартизацией и модификацией древних форм и типов сосудов и по времени связана с хазарским периодом в Дагестане. Генетически культурные отложения этого времени связаны с керамикой всех подстилающих слоев городища, восходящей в своей основе к II—III вв. н. э.

4. На могильнике выявлены погребения трех социальных групп населения, связанные с ранним периодом бытования городища. Разнообразные и хорошо сохранившиеся типы посуды с могильника также тождественны керамике основателей городища.

5. Жилищами первых поселенцев здесь являлись легкие турлучные плетенные постройки с глинобитными полами. Их окружали подсобные постройки и глубокие хозяйственные и зерновые ямы. Этот непритязательный тип жилища, широко распространенный в равнинной части Кавказа, продолжает бытовать наряду с юртами и в хазарское время. (Подобные турлучные жилища хазар описаны Ибн-Хаукалем).

6. Раскопками у въезда на городище выявлены остатки массивных привратных башен, возведенных из равного известняка и забутованных речными валунами, которые сооружены на месте разрушенного древнего въезда. Стратиграфия культурных и строительных остатков свидетельствует, что каменные привратные сооружения въезда и вся внушительная система оборонительных валов и рвов городища, достигающая до 10 м выс., возведены на последнем этапе бытования городища и связаны своим происхождением с началом арабо-хазарских войн.

7. Анализ керамических комплексов из стратифицированных слоев городища и выразительных материалов с могильника, свидетельствует о местной основе серолощенной керамики не только Андрейаульского, но и аналогичных ему памятников Терско-Сулакского междуречья. Локальный расцвет этой оригинальной культуры, традиции которой восходят здесь к эпохе бронзы, связан с оседлоземледельческим населением Северо-Восточного Дагестана. На сложение керамических форм и приемов орнаментации этого региона сильное влияние оказали закавказские и особенно албанские керамические традиции. Древние оседлоземледельческие и ремесленные традиции этого региона, выступающего по культуре северной провинцией Кавкаской Албании, и создали прочную основу для возникновения и быстрого расцвета Хазарского каганата. Хазары не только восприняли местные керамические традиции, но и придали всей культуре общегосударственный характер. С ними связано и широкое распространение серолощенной керамики за пределы Терско-Сулакского междуречья, по всей постепенно возросшей территории Хазарии.

В. Г. Котович, М. М. Абдуллаев,
В. М. Котович, Р. Н. Мирзоев, М. М. Расулова

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ НА ГОРОДИЩЕ ТАРГУ

1. Городище Таргу, расположенное на среднем течении р. Гамри-озень, в 1976 г., как и в предшествующие годы, изучалось Гамринской археологической экспедицией Института ИЯЛ. Полученные материалы характеризуют различные аспекты культурно-исторического развития данного памятника, отождествляемого с упомянутым в раннесредневековых письменных источниках «гуинским» городом Таргу.

2. Топография городища определялась особенностями рельефа занятой им оконечности горного склона, спускавшегося к реке тремя большими «ступенями». Следы обживания обнаружены на верхней (площ. 11—12 га), средней (площ. 67—га) и нижней (площ. 7—

8 га) «ступенях», а также у подошвы южного склона горы (площ. 4—5 га). В юго-западной части верхней «ступени» располагалась небольшая цитадель. Имеющимися археологическими материалами установлено обживание верхней «ступени» в III тыс. до н. э. и позднее — с эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.) до середины VIII в. н. э.; на цитадели встречены производственные комплексы послесарабского времени. На средней «ступени» обнаружены материалы III тыс. до н. э., а также албанского и раннесредневекового периодов, причем, в раннем средневековье часть этой территории была занята катакомбным могильником: местами здесь прослежены следы человеческой деятельности и в послесарабское время. Нижняя «ступень» обживалась в раннем средневековье, а участок у южного склона горы — в албанский и раннесредневековый периоды.

3. По имеющимся материалам культура городища Таргу албанского и раннесредневекового времени может быть охарактеризована как местная, дагестанская. Пребывание гунов (археологически фиксируемое обрядом катакомбных захоронений и, может быть, эпизодическим появлением необычной для других дагестанских памятников керамики со своеобразной валиковой орнаментацией) не отразилось на культурном развитии местного населения. Но в результате гуннских набегов конца IV—VI вв. возрос приток высокохудожественных изделий из южных областей, под влиянием которых в раннесредневековом Дагестане вырабатываются новые типы украшений, получившие распространение затем и среди населения Юго-Восточной Европы.

4. Особенности устройства крепостных стен таргунской цитадели (кладка на глиняном растворе, параметры ширины стен и др.) находят себе параллели в фортификации античных городов Северного Причерноморья. В этой же связи отметим, что сохранившаяся часть дворцовой постройки албанского периода с открытым портиком и колоннадой, раскопанная на цитадели имеет каменные каннелированные базы, регулярно расположенные двумя рядами по длине портика. Деревянные колонны на каменных базах широко применялись в дворцовом зодчестве Закавказья в ахеменидский и античный периоды, но не были известны до сих пор в северокавказских памятниках. Таргунские находки — первые свидетельства существования дворцовой архитектуры античного

периода не только в Дагестане, но и на Северном Кавказе. Существенно отличаясь от закавказских баз торовидного и аттического типов, они обнаруживают сходство с каннелированными базами из дворцовых и культовых построек в античных городах Северного Причерноморья. Эти факты еще раз подтверждают достоверность сообщения Страбона о контактах между населением Кавказской Албании и Северного Причерноморья.

5. Многослойная стратиграфия городища Таргу включает разновременные культурные напластования широкого хронологического диапазона, свидетельствуя о длительности его существования и фиксируя качественные изменения в его структуре по мере роста. Подобная же стратиграфия присуща ряду других бытовых памятников Дагестана (Урцекское, Бавтугайское, Верхнелабкомахинское и др. городища, г. Дербент) и Закавказья (Болниси, Мцхета, Гарни и др.), что по-видимому отражает какие-то общие закономерности процесса урбанизации в рамках всего кавказского региона.

А. А. Кудрявцев, М. С. Гаджиев,
Г. Г. Гамзатов, С. Б. Салимов, А. М. Хазанов

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДЕРБЕНТА

(по материалам раскопок 1976—1977 гг.)

Среди многих проблем формирования и развития средневекового города, проблема сложения его исторической топографии занимает особое место, и археологические исследования 1976—1977 гг. дали новые данные по многим вопросам ее.

1. Раскопки, проводимые на вершине дербентского холма, позволили установить, что под стенами ранне-средневековой цитадели города сасанидского периода лежат более древние стены, резко отличающиеся по своим конструктивным особенностям и приемам возведения от сасанидских стен Дербента. Эти стены были выявлены в четырех различных раскопках (Р-11, Р-13, Р-14, Р-16), заложенных у восточной, южной, западной

и северо-западной стен цитадели. На всех исследуемых участках, кроме южного, направление стен древней цитадели совпадало со стенами цитадели сасанидского периода, а южная стена древней цитадели значительно выходит за пределы стен раннесредневековой цитадели и несколько отклонена по оси к востоку. Древние стены были сложены из бутового камня средних размеров, скрепленного глиняным раствором и достигали на отдельных участках толщины 3—5 м, при сохранившейся высоте их до 1—1,5 м. Раскопки показали, что возникновение и функционирование этих стен приходится на скифское и албанское время. Учитывая, что в данный период площадь обживаемой территории Дербента на вершине холма составляла около 14—15 га, можно полагать, что выявленные стены являются остатками его древней цитадели.

Значительная площадь обживания досасанидского Дербента, наличие здесь фортификационных укреплений и четко выделенной цитадели позволяет ставить вопрос о нем не только как об наиболее раннем военно-стратегическом пункте у знаменитых ворот Прикаспийского пути, но и как об одном из древнейших городов Дагестана и служат вескими аргументами в пользу высказанных в исторической литературе предположений о локализации здесь упомянутого Птолемеем города Гелды.

2. Почти полное совпадение направлений стен цитаделей Дербента древнего и раннесредневекового периодов позволяет ставить вопрос о значительной преемственности их планировки и об определенной роли древнего Дербента в формировании исторической топографии средневекового города, в процессе его сложения и динамике развития.

Особый интерес представляет выявленная раскопками разновременность северной и южной городских стен Дербента. Оказалось, что блоки кладки северной стены и цитадели города уложены вперевязку, а у южной стены подобная перевязка отсутствует и она лишь примыкает к стене цитадели, что не оставляет сомнений в ее более позднем возведении. Таким образом, подтверждена разновременность северной и южной стен города, зафиксированная местными историческими хрониками и преданиями, и получены еще одни неоспоримые доказательства существования у раннесредневекового города цитадели, т. е. окончательно решен вопрос о двух-

частной структуре Дербента сасанидской поры, столь долго являвшийся спорным в исторической литературе.

В связи с проблемами фортификации Дербента значительный интерес представляют новые данные о Горной стене (Даг-Бары), которая, согласно новых обследований экспедиции, тянется не до с. Хапиль, как отмечалось в последних работах по этой проблеме, а значительно дальше до вершины хребта Кара-Сырт.

Раскопки остатков раннесредневековых керамических печей к югу от цитадели Дербента (P-V, P-VII) дают новый материал об экономической периодизации развития сасанидского города на самых ранних этапах его сложения. получены новые ценные данные об огромном крестообразном сооружении в цитадели города (P-V), именуемом в исторической литературе водохранилищем и отождествляемом нами с христианской церковью.

3. Большой объем работ проделан по исследованию исторической топографии средневекового города. Продолжались раскопки комплексов средневековых ханских дворцов в северо-западной части цитадели (P-IV). Было установлено, что под архитектурными остатками трех комплексов ханских дворцов XII—XVII вв., лежал еще один многокомнатный комплекс дворца X—XI вв. Стены этого дворца были сложены из больших тщательно обработанных плит, скрепленных известковым раствором, толщина их доходит до 1,4 м, при сохраненности в высоту 1—1,2 м. Это дворцовое сооружение имело планировку, аналогичную вышележащему комплексу из жженого XII—XIII вв. и служило основанием его стен. Раскопки позволили установить, что основные дворцовые сооружения цитадели Дербента были сосредоточены в X—XVII вв. с ее северо-западной части, что надо связывать с военно-политической обстановкой в сопредельных областях и самом городе.

4. Значительно возрос объем информации о топографии города в связи с раскопками в центральной и приморских частях Дербента. Раскопки у южной стены города (P-VIII) несколько выше современного базара, выявили здесь остатки значительного трехкамерного помещений, длиной около 13, шириной 6 м. Стены сложены из бутового обработанного камня, скрепленного глиняным раствором и достигают толщины 0,6—0,7 м.

Остатки двух круглоплановых печей и большого очажного пятна (видимо, не сохранившейся печи), мно-

гочисленные фрагменты бракованной поливной и неполивной посуды, подставки и штыри для обжига, многочисленные шлаки не оставляют сомнений, что данное сооружение является гончарной мастерской средневекового города. Материал, обнаруженный здесь, позволяет датировать ее IX—XI вв.

Раскопки в других районах нижней части города (P-IX, P-X, P-XI) показали, что IX—первой пол. XIII вв. обживалась вся территория города между каменными стенами от цитадели до моря (исключение составляло лишь небольшое пространство на крутом склоне холма перед цитаделью). Однако, если в верхней части города средневековые слои достигают мощности 3—3,5 м, а в центральной до 2—2,5 м, что в приморских районах Дербента они не превышают 1 м, так как эти районы обживались только в X—пер. пол. XIII вв. Большой интерес при изучении топографии города представляют обследования котлована под многоэтажный дом у пл. Свободы (60 м × 20 м). Была выявлена многослойность, представленных здесь культурных отложений, достигающих около 2,6 м. Основная часть их, более 2 м, относится к периоду X—XIII вв. Здесь в слоях X—XI вв. были обнаружены остатки фундаментов, или следы углублений от них, нескольких сооружений. Несколько лучше сохранились остатки двухкамерного помещения размером около 4 × 8 м (большая часть строения уничтожена экскаватором). Стены возведены из крупного бытового камня на глиняном растворе, толщина их около 0,6 м. Рядом с помещением сохранились два круглоплановых углубления, диаметром около 2 м, заполненных шлаком и золой, вероятно, остатки печей и двух очажных пятен диаметром около 1—1,2 м. Видимо, это остатки еще одной гончарной мастерской, в пользу чего говорят многочисленные находки шлаков и очень большого количества еще не использованных сферокопусов и однотипных небольших чашечек. Наличие среди керамических изделий здесь только двух типов неполивной керамики позволяет ставить вопрос об узкой специализации этой мастерской. Находки поливной керамики на территории котлована единичны.

5. Раскопки за южной стеной города, от района цитадели до пл. Свободы (P-18, P-19, P-20, профили 1—2), показали, что на этом участке, т. е. в верхней половине Дербента, обживание за пределами южной стены,

вплоть до конца XVII—XVIII вв., отсутствовало. Это служит весьма веским аргументом в пользу высказанных нами предположений об отсутствии у средневекового города рабада за его стенами. Своеобразным рабадом Дербента выступает его нижняя межстенная территория, отделенная от верхнего города поперечными стенами.

Ю. М. Гаджиев

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕМУСУЛЬМАНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ В ХИВСКОМ И ЛАКСКОМ РАЙОНАХ

1. Изучение истории народов Дагестана, путей этногенеза его невозможно без привлечения краинологических материалов. С этой целью в 1976—1977 гг. антропологической экспедицией, чтобы произвести раскопочные работы, был исследован раннемусульманский могильник в местечке «Гамар-наквар» в Хивском районе и в с. Хури Лакского района. Материал из этого могильника, датируемый по куфическим и полукуфическим надписям XIII—XIV вв., представляет большой интерес для понимания этногенеза отдельных народностей Дагестана.

Могильник характерен наличием надгробного памятника, могильная яма в виде вытянутого четырехугольника, с глубиной в пределах 1,5—1,8 метра. Детские захоронения почти на поверхности, на глубине не более 1 м. Устройство погребальной камеры — подбой не на боку как на современных мусульманских могильниках, а внизу на правой стороне это место обмазано специальным глиняным раствором. Покойники захоронены в нишах в вытянутом положении на правом боку, лицевая часть черепов обращена на юг. В детских захоронениях найдены: бусы, ожерелье, кольца, бронзовые браслеты.

3. Костный материал во всех сериях плохой сохранности. В Хивском могильнике в основном захоронены люди старше 60 лет и дети до 10—14 лет. В 40 могильниках захоронения — 25 детского и 15 взрослого населения, 4 черепа пробиты ударом кинжала или топора.

4. Краинологический материал, поднятый нами, свидетельствует о том, что в XIII—XIV вв. население ука-

занных районов имело следующий антропологический облик: оно — мезокранно, но лицо довольно узкое, рельеф черепов хорошо выражен. Эти черты очень близки к чертам антропологического типа местного современного населения. Думается, что население, оставившее эти могильники, является аборигенным. Невозможно представить себе, чтобы в мусульманских погребениях, устроенных в традиционном стиле, были захоронены пришельцы.

5. По погребальному обряду и инвентарю Хивский могильник является памятником переходного этапа от язычества к мусульманству.

ЭТНОГРАФИЯ

М. О. Османов

ТИПЫ ХУТОРСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА В ДАГЕСТАНЕ В XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

(по итогам экспедиций 1976—1977 годов)

Хуторское хозяйство, одна из форм стационарного хозяйствования, получило довольно большое развитие в горном Дагестане.

В его сложении и развитии генетическими предпосылками послужили: расчлененный рельеф, чересполосица угодий и их труднодоступность, трудности с заготовкой и доставкой кормов к аулу, нехватка местных зимних пастбищ и отдаленность равнинных, разнообразие видового состава содержащегося скота, требующее разных мест и условий содержания, теснота и скученность внутри селения и т. п. Этот перечень предпосылок объясняет отчасти слабое развитие хуторского хозяйства на равнине и в предгорье (наряду с социальными факторами).

Классификацию хуторов можно провести в трех аспектах: по функциональному назначению, по местопо-

жению и по времени (сезону) функционирования. Поскольку хутор возникает ввиду функциональной необходимости, с определенной целью, видимо следует поставить во главу угла классификацию по назначению. В связи с этим выделяются: общехозяйственный хутор, скотоводческий хутор для содержания всех видов скота, хутор для крупного рогатого скота (КРС) и хутор для мелкого рогатого скота (МРС).

По месту расположения можно выделить: присельский, выгонный и пастбищный, по времени функционирования — зимний, летний, многосезонный (часто круглогодовой).

В соответствии с этой классификацией мы обнаруживаем по нашим, пока неполным материалам, следующие виды хуторов:

- 1) общехозяйственный, выгонный, многосезонный;
- 2) общехозяйственный выгонный, зимний;
- 3) для всех видов скота, выгонный, круглогодовой;
- 4) для всех видов скота, выгонный, зимний;
- 5) для КРС, выгонный, многосезонный;
- 6) для КРС, выгонный, зимний;
- 7) для КРС, присельский, зимний;
- 8) для коров, пастбищный, летний;
- 9) для овец, выгонный, зимний;
- 10) для овец, пастбищный, зимний.

Общехозяйственный многосезонный хутор можно назвать в определенной мере мулковым, он представляет собой результат ухода на собственные земли крестьянина, масштаб угодий которого в одном месте позволяет ему вести там хозяйство. Объединяет многоотраслевой хозяйственный и жилой комплекс, со временем может перерасти в отселок.

Общехозяйственный зимний (зимний период включал и конец осени, и начало весны) хутор также характеризуется многоотраслевым характером хозяйства, но все-таки для него более характерно земледелие и содержание КРС, и он еще не полностью автономен от аульского хозяйства, его функционирование нередко сочетается с зимним отгоном овец.

Хутор для всех видов скота (круглогодовой) характерен для горно-долинных аулов, отличающихся нехваткой кормовых угодий и поисками их рационального использования.

Зимний хутор для всех видов, напротив, более свойственен высокогорным селениям с большим достатком угодий, нередко является здесь преобладающей формой

зимнего содержания скота или же иногда сочетается с отгоном.

Хутор для КРС (многосезонный) комбинируется с содержанием скота в самом ауле в самое холодное время (весной сюда нередко приводятся и овцы), распространён при безотгонном скотоводстве.

Хутор для КРС (зимний) сочетается со стойловым содержанием в ауле, комбинируется с весенним отгоном (в т. ч. нередко и КРС), с разрешения общины сюда могут быть приведены с зимних пригревов и ослабевшие овцы.

Хутор для КРС, присельский, зимний, характеризуется большей степенью сгруппированности отдельных хуторов, представляет собой как бы хозяйственный квартал аула, значительна его роль в хранении кормов.

В определенной степени можно считать хутором и яйлажное содержание коров за пределами аула, для производства масла (и сыра), где имеются небольшие постройки для людей и продукции, а в некоторых высокогорных аулах и коровники. Это — комбинация яйлажного вида отгона с хуторским хозяйством.

Хутор для овец, выгонный, зимний, встречается как преобладающая форма при зимнем безотгонном содержании овец.

И, наконец, один из самых распространенных хуторов — зимний пастбищный хутор для овец. Он бытует как преобладающая форма содержания при наличии достаточного количества пастбищ-пригревов; может обладать и в сочетании с весенним отгоном овец (в таком же масштабе), или же в случае малого количества овец, содержание которых зимой возможно за счет использования местных пастбищных ресурсов — пригревов и долин; бытует и как вид содержания овец бедными хозяйствами, при преобладании в ауле отгона на равнине.

Дальнейшее изучение материалов по-видимому позволит с большей полнотой и точностью выявить как виды хуторов, так и их сочетание, соотношенность с другими формами и видами скотоводства.

ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА, СВЯЗАННЫЕ СО СКОТОВОДСТВОМ

Скотоводство, наряду с земледелием, являлось одним из древнейших занятий народов Южного Дагестана.

В процессе изучения повадок домашних животных и способов их содержания в специфических природно-климатических условиях Южного Дагестана были накоплены определенные знания, которые передавались из поколения в поколение. Интересны в этом плане и различные легенды, обряды и поверья, связанные с положительным народным опытом по содержанию скота.

Незнание многих тайн природы способствовало возникновению множества обрядов и поверий, связанных с древними религиозными представлениями и магическими культами. Привлекают внимание:

I. Обряды, связанные с перегоном скота на разносезонные пастбища (перегон скота и всего движимого имущества между двумя кострами, жертвоприношение змей, стрельба из огнестрельного оружия и т. д.).

II. Обряды, связанные с окотом мелкого рогатого скота (уборка жилья, стирка одежды, бритье головы и бороды всеми чабанами до начала окота, запрещение появляться женскому полу в коше в период окота, смазывание маслом и медом головы производителя перед пуском в отару и пр.).

III. Обряды, выполняемые перед и после ягнения овец (приношение хозяевами овец в дар чабанам халвы и других сладостей, жарение кукурузных зерен с имитативно-магической целью, чтобы ягнята прыгали, как лопающиеся кукурузные зерна).

В древнейших верованиях народов Южного Дагестана отдельные животные, особенно бараны, козы, лошади наделялись свойствами оберега и почитание их сочеталось с различными культами.

В качестве оберега выступали сами животные или их головы и рога, которые изображались в виде орнамента или прямо вывешивались на фасаде дома. В сараях и скотных дворах делались тайники, где хранились ку-

ринные яйца, железные предметы, а на животных вешались разные амулеты, с целью защиты их от «сглаза».

Овечьим лопаткам и кишкам приписывались таинственные свойства, позволяющие по характеру разных линий и очертаний предсказывать погоду, благополучие или несчастье семьи, родственников и близких.

К категории поверий, выросших из практического опыта, можно отнести и предсказания погоды на основе поведения и прихотей животных в период пастбы (если животные вечером поедают корм активно, то на следующий день испортится погода).

Множество поверий и обрядов народов Южного Дагестана было связано с различными эпизоотиями и болезнями, встречающимися у домашних животных, которые объяснялись присутствием злых духов, проникших в отару. Для их изгнания применялись энергичные действия, сопровождающиеся неожиданными шумами и пр. Например, стреляли из ружей, разжигали костер и обкуривали помещения для скота, обрызгивали животных водой, копали траншею и пропускали через нее отару и т. д.

З. Б. Рамазанова

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ МОЛОТЬБЫ У ЛАКЦЕВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

1. Молотьба — один из главных моментов земледельческого цикла лакцев.

2. Древние земледельческие традиции и богатый опыт способствовали сложению наиболее рациональных способов и орудий молотьбы.

3. Основной способ — молотьба с помощью молотильных досок, попутно решающий и проблему утилизации соломы в качестве корма для скота.

4. Молотильные доски лакцев по материалу, форме и функциям входят в единый типологический ряд дагестанских молотильных досок, с некоторыми местными особенностями.

5. Другие способы молотьбы отражают ее эволюцию и попытки приспособления к особенностям разных куль-

тур (обивание о камни колотушкой, вытаптывание скотом и др.).

6. Молотьба досками — завершающий и наиболее эффективный этап эволюции механического извлечения зерна, сочетающий оба принципа молотьбы (вытаптывание скотом и выбивание) и решающий важную проблему утилизации соломы в условиях пехватки кормов.

А. И. Исламмагомедов

РАБОТА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее развитие экономики и культуры республики, правильное использование трудовых ресурсов потребовали осуществления ряда мероприятий, в том числе и перемещения населения.

За последние 25 лет из горных в равнинные районы переселено 35 тыс. хозяйств (160 тыс. человек), на базе которых создано более 100 колхозов и совхозов. Выбор переселенческих аулов в качестве объекта этносоциологического исследования обусловлен типичностью и интенсивностью происходящих здесь современных этнических процессов.

В полевой сезон 1976 г. были начаты работы с целью выявления традиционного и нового в культуре и быту переселенцев. Работа носила предварительный характер, уточнялись параметры будущих исследований, методика, проверялся разработанный вопросник-анкета.

В 1977 г. исследования велись на плоскости и в горах, откуда переселились горцы. Наряду с заполнением анкеты изучались: материальная культура, общественный быт и культурная жизнь, особенности семейного уклада и семейная обрядность, отражение бытовой действительности в различных жанрах устного народного творчества, пережитки религиозных верований и пути их преодоления; был собран иллюстративный материал, сделаны записи на магнитофонной ленте.

Трансформация быта и культуры народов Дагестана, имевших в прошлом множество этнических и местных

(в том числе и сельских) особенностей и форм, происходит повсеместно, приобретая интернациональные черты. Особенно сильно выражена она у переселенцев, причем степень ее интенсивности зависит от характера поселений. В одноаульном (переселенцы из одного аула) селении национальная специфика во всех сферах жизни сохраняется в большей степени, чем в многоаульном населенном пункте (переселенцы одной национальности из разных селений), который в свою очередь отличается от многонационального. Интенсификация процесса стирания различий в культуре и быту связана с дальнейшим углублением этнокультурных взаимовлияний, расширением межнациональных брачных связей, повышением промышленного потенциала хозяйства.

Национальная специфика сохраняется наиболее стойко в духовной культуре, особенно в семейном быту, свадебных и похоронных обрядах, хотя и в неодинаковой степени среди различных возрастных групп. Прочно сохраняется национальное самосознание, даже в смешанных семьях. Знание родного языка считается обязательным. Характерным является для представителей этнических групп знание трех языков: родного, аварского, русского, однако русский язык постепенно становится языком общения и внутри одной национальности.

А. Г. Булатова

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДЫ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (ЛАКЦЕВ И АВАРЦЕВ)

1. Из всех видов материальной культуры в наши дни наиболее подверженной преобразованиям, более чуткой и отзывчивой на изменения в социально-экономической жизни общества, является одежда.

В результате огромной трансформации, вызванной культурной революцией, традиционная культура народов Дагестана оказалась в значительной степени вытесненной новыми, урбанизированными формами культуры.

Обилие и общедоступность средств массовой информации (периодическая печать, радио, кино, телевидение)

способствуют тому, что жители села все более приближаются к городскому населению по своей мобильности и восприимчивости к новым веяниям моды.

2. Процессы приобщения к новым, городским формам культуры интенсивнее протекают в переселенческой среде, причем степень интенсивности их находится в некоторой мере в зависимости от многонациональности или моноэтничности поселения. Как показывают наблюдения и анализ анкетных данных, процессы развития этнокультурных влияний и межэтнической интеграции, т. е. формирование некоторых общих этнических, а в значительной мере и интернациональных черт, более интенсивны в многонациональных поселениях. Многонациональность поселения выступает в качестве своего рода катализатора, способствующего ускорению процесса урбанизации одежды.

3. Основная масса переселенческого населения в наши дни ориентируется на общераспространенные в стране типы одежды. Последняя здесь ближе к городским формам, чем в горах, а в возрастных группах 18—29 лет иногда полностью соответствует им, особенно мужская.

Как показало анкетное обследование, типологические характеристики личности (социально-классовая принадлежность, социально-профессиональный статус, образовательный уровень, семейное положение, возраст), имеют различную силу и степень воздействия на культурные ориентации. С ростом образования, повышением социально-профессионального статуса, увеличением переселенческого стажа ориентация переселенцев на традиционные типы одежды (вторичные ее формы) значительно ослабевает.

Половозрастной состав населения также оказывает определенное влияние на культурные ориентации.

Женщины больше привержены к традиционным формам одежды, чем мужчины. Молодежь сильнее тяготеет к современной урбанизированной культуре.

Анкетное обследование одежды (аварцев и лакцев) показало, что в переселенческих селениях на плоскости происходит дальнейшее углубление процесса интернационализации культуры и быта.

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕЗГИН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Полевые этнографические исследования и изучение теоретического материала о поселениях, жилище, пище и одежде лезгин показывает, что переселение их с гор на плоскость привело к огромным переменам в материальной и культурной жизни.

Поселения лезгин-горцев располагались на труднодоступных скалах, вдали от дорог, были скученными, с узкими и кривыми улицами. Выбор места для поселения определял ряд факторов, среди которых особое место занимали соображения обороны и экономии земли. Примером могут служить такие горные селения, как Куруш, Гапцах, Филя, Мака, Усур, Маза, Ялцуг и др.

В отличие от старых аулов лезгины-переселенцы живут в благоустроенных поселках городского типа, утопающих в зелени, построенных по единому государственному плану, с прямыми, широкими улицами, парками культуры и общественными зданиями в центре поселка. Таковы современные поселки: Новый Куруш, Новый Гапцах, Советское, Новый Мака, Новый Усур и многие другие.

Существенные изменения произошли в конструкции жилища лезгин. Вместо прежней горской сакли с плоской крышей и земляным полом, переселенцы живут в просторных домах, крытых листовым железом и шифером, со световыми окнами, деревянными полами.

Большие изменения произошли в интерьере дома лезгин. Раньше домашняя обстановка горцев была бедной. В ней преобладали предметы и изделия местного кустарного производства: паласы, войлоки, табуретки, глиняная посуда и т. д. В интерьере дома лезгин, переселившихся на плоскость, преобладают покупные изделия: добротная фабричная мебель, холодильники, телевизоры, радиоприемники и т. д.

Коренным образом изменилась одежда лезгин-переселенцев. Благодаря повышению материального уровня жизни, переселенцы-лезгины вместо самодельных чары-

ков, безрукавок, овчинных шуб и полушубков приобретают современные городские костюмы (жакеты, свитера, водолазки и т. д.).

До переселения пищу лезгин составляли в основном продукты животноводства и мучные изделия. После переселения кухня лезгин изменилась неузнаваемо. Наряду с традиционными блюдами теперь они употребляют овощи, фрукты, рыбу, различные консервы, готовые кондитерские изделия, заготавливают соленья, варенья и т. д.

М.-Р. А. Ибрагимов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

(по материалам полевых исследований)

1. Для решения проблемы характера расселения народов Дагестана (являющейся частью проблемы формирования этнического состава населения и вообще этнической истории дагестанцев), наряду с археологическими, архивными, картографическими и другими данными, большое значение имеют полевые этнографические материалы, которые призваны не только уточнять и дополнять эти данные, но и порой служить основным источником.

2. Своеобразие историко-географических условий Дагестана обусловило ряд специфических черт расселения его народов. Они выразились прежде всего в экономико-географической изолированности друг от друга, как народов, так и этнографических групп, способствовавшей, в свою очередь, сохранению ими этнических особенностей.

3. Существенное значение в изменении характера расселения народов Дагестана во второй половине XIX в. имели Кавказская война и такие социально-экономические факторы, как классовая борьба (усилившаяся с проникновением капиталистических отношений), обычай кровной мести, отходничество и т. д.

4. Заметное влияние на этническую ситуацию конца

XIX—начала XX в. оказало переселение русских и отчасти украинцев на территорию Дагестана.

5. Этнические границы населения горной и высокогорной зон Дагестана подвергались в целом значительно меньшим изменениям, были более стабильными, чем границы расселения народов, живущих в предгорной и равнинной зонах.

▲ С. А. Лугуев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА ЛАКЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

1. Формировавшийся веками общественный уклад лакцев, сохранив внешние традиционные черты, приспособляется на деле к новым условиям. Этими условиями, сложившимися во второй половине XIX в., были: ликвидация Казикумухского ханства, его преобразование в округ, введение «военно-народного» управления.

2. Сельская община, приспособившись в административным реформам, сохранилась у лакцев и в интересующий нас период. Производственные отношения в общине складывались на основе частной собственности на пашни и часть покосов и общинной—на пастбища, выгоны и другую часть покосов. К концу XIX нач. XX в. с обострением социальных противоречий и дифференциацией общинников, из общины стали выделяться кулацкие хозяйства.

3. Новое административное сельское управление фактически полностью подчинялось начальнику округа—представителю царской администрации. Старшина формально «избирался» на сельском сходе, а с конца XIX в. назначался. Сельский сход, представленный уже не всем взрослым мужским населением общины, а одним из мужчин семьи, сам ничего не решал. Участились случаи злоупотребления старшинами своей властью.

4. Сохраняя видимость традиционного судопроизводства, правительство ввело систему сельских судов, где дела решались по адату (большинство) и шарияту. Одна из важнейших функций суда сводилась к наблю-

депию за лояльным отношением населения к правительству, к администрации, за неукоснительным исполнением всех указов и распоряжений государственно-административных органов. Другая, не менее важная задача, охрана прав собственности и личной безопасности представителей административного аппарата и местной верхушки.

5. Несмотря на колониальный характер, реформы 60-х годов XIX в. имели и прогрессивное значение. В частности, сельское управление лакцев впервые в истории получило единую, централизованную административно-политическую систему и стало руководствоваться общими для всего Дагестана нормами законодательства.

6. Обычай кровной мести, наследие первобытно-общинного строя, был характерен и для последующих стадий развития общества. Укоренившись в общественном быту народа как выражение родовой солидарности, обычай изменялся, в частности по линии постепенного сужения круга лиц кровников. С углублением социальных противоречий он приобретает сословно-классовый характер. Развитие социально-экономических отношений способствует постепенному перерастанию обычая в систему композиций.

7. Обычай взаимопомощи в новых условиях приобретает соседско-общинный характер. Однако родственные, тухумные связи, не утратившие своего значения, налагают на него свой отпечаток. Обычай превращается в морально-этическую норму большинства членов общества. Последнее не мешало, однако, социальной верхушке, а позже зародившемуся кулачеству использовать обычай в целях собственного обогащения.

8. В морально-этическую норму перерос и другой обычай, свято соблюдаемый лакцами, — гостеприимство. Выросшее из этого обычая куначество способствовало сближению людей, узы дружбы которых напоминали родственные отношения.

9. Отдельные черты и характеристики общественного быта лакцев во второй половине XIX—нач. XX в. во многом схожи с нормами и институтами других дагестанцев и вообще других кавказских народов.

ОБЫЧАИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ИЗБЕГАНИЙ У КУМЫКОВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

I. Обычаи избегания принадлежат к числу широко распространенных традиций семейного быта многих народов.

Исследователи связывают обычай семейно-брачных избеганий с изменением локальности брака, в частности с переходом от матрилокальности к патрилокальности.

В этнографической науке обычаи избегания у кумыков остаются недостаточно исследованными. Изучение их может иметь определенное значение в дальнейшем переустройстве семейных отношений, а также поможет наметить пути преодоления этих пережитков.

II. Семейно-брачные избегания у кумыков начинались с момента сватовства или сговора. Они бытовали в отношениях как между женихом и невестой, так и между каждым из них и родственниками. Запреты и избегания имели место как до свадьбы, так и в доме мужа.

Избегания заканчивались после того, как устраивались церемонии «примирения», которые сопровождались обменом подарками.

III. На основании полевых этнографических материалов обычаи избегания у кумыков, устанавливающиеся с момента сватовства, можно условно подразделить на семь групп:

- 1) между невестой и женихом;
- 2) между невестой и родственниками жениха;
- 3) между невестой и ее родителями, особенно отцом и старшими братьями;
- 4) между женой и родственниками мужа, прежде всего старшими из них, особенно свекром;
- 5) между мужем и женой;
- 6) между женихом и родственниками невесты;
- 7) между сыном — молодым мужем, и его родственниками (отцом, дядей, старшими братьями).

IV. Обычаи избегания в XIX—начале XX в. были вредным наследием патриархального строя, одним из отрицательных пережитков быта патриархальной семьи.

По сведениям информаторов, в начале XX века началось ослабление норм избегания. Положение же существенным образом изменилось только в советскую эпоху, когда общий процесс социалистического переустройства повлек за собой ряд принципиальных сдвигов в быту и культуре народа.

instituteofhistory.ru

Г. А. Гаджиев

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Почти все погребально-поминальные обряды народов в прошлом диктовались верой в существование у человека двойника. Еще в прошлом веке работами ученых-эволюционистов (Э. Б. Тейлор, Ю. Линнерт, Н. Харузин, Дж. Фрезер, Н. Семенов и др.) было убедительно доказано, что представления народов мира о двойнике-душе претерпели долгое развитие. Постепенно двойник утрачивал свои материальные черты и приближался к тому образцу бесплотного существа, который принят в кодифицированных вероучениях поздних религий. В силу того, что мусульманская ортодоксальная обрядность достаточно полно освещена в литературе, нам предстоит обратить внимание на домусульманские и дохристианские религиозные традиции народов Дагестана, сохранивших пережитки древних анимистических представлений.

До последнего времени в быту народов Дагестана господствовал мусульманский погребальный обряд, отражающий представления о душе, утвердившиеся в исламе. Но при внимательном рассмотрении в них можно увидеть множество черт домусульманской обрядности.

До появления ислама предки дагестанцев знали большое количество погребальных сооружений иных форм, различающихся не только конструкцией могильных ям и надгробных сооружений, но и способом погребения вообще. Некоторые из них обусловлены зороастризмом, а некоторые имеют дозороастрийское происхождение.

Господствующая сейчас форма захоронения в каменных ящиках является дальнейшей трансформацией древних форм захоронений.

Многие погребальные обряды, так же как поминальные, в прошлом были порождены верой в существование души, нуждающейся в заботе со стороны оставшихся в живых сородичей умершего. Именно поэтому почти повсеместно в Дагестане распространены склепы сводчатой формы, в торцовой стене которых оставлены небольшие узкие четырехугольные окошечки для «необходимых предметов» покойника, пищи и т. д.

Обычай жертвоприношения также порожден верой в существование души.

В некоторых погребально-поминальных обрядах легко можно увидеть боязнь мертвого и стремление скорее избавиться от него.

Во всех погребально-поминальных обрядах народов Дагестана прослеживается двойственный характер. С одной стороны, забота об умершем родственнике, стремление обеспечить его благополучие в загробном царстве, а с другой — умиловить его, чтобы он не причинил вреда.

Древние похоронно-погребальные верования и обычаи народов Дагестана находят широкие параллели как на Кавказе, так и в других регионах. Это говорит о едином пласте культурных традиций для широкого круга народов мира. Ислам, разрушив основы прежней религии народов Дагестана, сохранил почти в неизменном виде многие пережитки древних архаических верований.

В настоящее время в различных районах Дагестана внедряются новые похоронно-погребальные обряды, лишённые религиозных моментов и не наносящие материального ущерба родственникам умершего. В этом деле большую помощь местным органам оказывают советы старейшин при Советах народных депутатов.

Х. Д. Кадыраджиева

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАГЕСТАНА (ЛАКЦЫ, АВАРЦЫ)

1. Фольклорно-этнографический полевой материал свидетельствует о бытовании разнообразных видов пе-

сенного фольклора у переселенцев. Анкетирование выявило, что традиционный, особенно обрядовый фольклор сохранился в памяти представителей старшего и частично среднего поколения.

2. Для полного представления об эволюции фольклорных традиций у переселенцев (лакцев, аварцев) мы вели записи в сравнительно-сопоставительном аспекте с их фольклором в «исходных» районах. Нашей целью было: определить насколько они смогли сохранить свои поэтические традиции при переселении; полнее «исследовать межэтнические общности, которыми обладает фольклор, процессы взаимопроникновения и взаимообогащения, свойственные устному народному творчеству разных народов».

3. Записанный нами материал, хотя и не дает исчерпывающих данных о репертуаре всего аула, а тем более целого района, позволяет пронаблюдать не только песенные традиции аула, но и процесс скрещивания фольклорных традиций нескольких дагестанских народов.

4. При сборе полевого материала учитывались и особенности расселения народов Дагестана, в каждом из районов изучался фольклор наиболее характерных аулов данного этноса. Фольклорные традиции переселенцев во многом схожи (свадебные, обрядовые, лирические) с традициями горцев (это было выявлено при анкетировании).

5. Собранный материал по фольклору переселенцев позволяет проследить некоторые компоненты, заимствованные из фольклора местного населения, однако поэтические традиции переселенцев в целом сохранились без заметных изменений. Особо следует отметить лакское селение Ахар Новолакского района, в котором отмечается большое разнообразие свадебных песен, пользующихся популярностью в данном регионе. Полевой материал отражает и полное отсутствие свадебно-обрядовых, колыбельных песен у тлидинцев-горцев.

6. В среде переселенцев, как и по всему Дагестану, отмечается процесс «затухания» обрядовой поэзии, особенно ускорившийся в последнее время. Вместе с тем следует отметить, что с переселением устное творчество народов Дагестана начинает приобретать новые черты, обогащается новыми мотивами.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА ДАГЕСТАНА

1. Вопрос о крестьянстве является одной из центральных проблем социально-экономической истории дореволюционного, в особенности средневекового Дагестана. Но изучение этой проблемы сопряжено с большими трудностями, обусловленными малочисленностью письменных источников. В этих условиях историко-этнографический материал, исторические легенды и предания, материал топонимики, лингвистики, ономастики, разнообразные обряды, традиции, обычаи, памятники материальной и духовной культуры, эпиграфические памятники, письменные арабоязычные источники, которые хранятся в частных библиотеках, выступают в качестве важнейшего компонента источниковедческой базы истории Дагестана досоветского периода. Они особенно ценны тем, что исходят от самого крестьянства.

2. Историко-этнографический материал, собранный экспедицией, позволяет углубить представление о различных категориях крестьянства. Богатая номенклатура терминов, обозначающих зависимые категории крестьянства, зафиксированная нами во время полевых работ, свидетельствует о различных формах зависимых отношений в средневековом Дагестане. В полевых условиях зафиксированы сведения о происхождении и формах зависимости следующих категорий крестьянства, которые в различных языках народов Дагестана выступают под терминами: уздень, рагIят, рагIият, чагъар, къазакъ, нежбер, лежбер, хIалтIухъан, рагъIател, цеветел, цеветаравчи, рукъотел, ахары ветугъакIой, муздур, хъхъича-зала, сурмухъхъу, ухъусса, ссутлувучи, пичIев, лагъ, лукъ и т. д.

В различных регионах Дагестана степень феодальной зависимости была неодинаковой, хотя зависимые крестьяне и выступают под одним и тем же термином. Это зависело от того, кто противостоял феодально-зависимому крестьянству — феодальное государство или бек, насколько сильны были общинные порядки.

3. Интересен и богат материал, характеризующий

степень феодальной зависимости райят и чагаров. Он значительно восполняет тот пробел, который существует в письменных источниках по вопросу об образовании различных категорий феодально-зависимого населения средневекового Дагестана. Каждый из известных социальных терминов (музара, акара, райят, чагар и др.) покрывает широкую гамму зависимых отношений, которые колеблются от крепостной зависимости до простого оброчного состояния.

4. Характерная особенность истории средневекового Дагестана — наличие в его социальной структуре значительной прослойки рабов. Полевой историко-этнографический материал значительно дополняет, а во многих случаях и уточняет такие аспекты рабства, как источники, правовой статус различных категорий и модификаций рабов, разные возможности освобождения их (выкуп, отработки и т. п.), перевод на землю и дальнейшая эволюция раба в феодально-зависимого райята или чагара.

Многообразие форм зависимых отношений — другая характерная особенность феодальных отношений в средневековом Дагестане. Формы зависимых отношений колебались от раннефеодальных со значительной примесью первобытных черт до классического крепостного сословия. Полевой материал прослеживает и коллективные формы господства и подчинения, когда одна община эксплуатирует другую или когда один тухум эксплуатирует другой и т. п. Одновременно полевой материал помогает проследить процесс оформления феодализирующей верхушки, которая узурпировала административную власть, превратив ее в наследственную.

6. В собранном полевом материале хорошо прослеживается наличие таких институтов феодального общества, как коммендация, патронат, бенефиций, назру и т. д., сыгравшие важную роль в оформлении зависимых отношений в Дагестане. Как феодально-зависимые категории крестьянства, так и перечисленные институты свидетельствовали об оформлении вассальных отношений в средневековом Дагестане.

7. Полевой материал позволяет проследить процесс образования сельской территориальной общины. Собран также и материал о тухумах, об истории их возникновения, о внутренней структуре, характере расположения тухумов внутри общины, о взаимоотношениях с другими

тухумами, о социальном и экономическом положении их и т. п. В этом отношении особенно интересен материал, собранный в Аварии, Агуле, Табасаране. В ряде селений хорошо прослеживаются остатки патриархально-семейной общины.

8. Одной из основных категорий населения средневекового Дагестана являлось юридически свободное узденство, проживавшее преимущественно в союзах сельских обществ. Поэтому большое внимание уделялось сбору историко-этнографического материала, показывающего положение узденя в общине, зависимость его от джамаата и тухума, права и обязанности общинников и т. д.

9. Большое количество сведений собрано по формам земельной собственности в Дагестане, которые дополняют имеющиеся данные письменных источников о наличии у дагестанских народов земельной собственности: феодалов (ханов, беков), условного землевладения, мюльков свободных общинников, мечетской собственности на землю (вакф), коллективного землевладения (тухумной, межобщинной и общинной). Значительный интерес представляет полевой материал о формах пользования землей. Он дает возможность проследить как общие моменты, так и особенности в землепользовании в разных регионах и общинах Дагестана.

10. Собранный материал свидетельствует о том, что и в дагестанской общине происходил все усиливавшийся процесс социальной дифференциации: выделение богатых тухумов и семей, сосредоточивших в своих руках большие (по дагестанским условиям) земельные участки, значительное количество скота и т. д. Полевой материал прослеживает пути образования эксплуататорского класса, с одной стороны, и зависимых сословий, с другой.

11. В целом собранный во время экспедиции материал является ценнейшим подспорьем для выполнения плановых работ сотрудниками сектора истории досоветского периода.

К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН

(по материалам полевых исследований)

1. Жители Дагестана относятся к числу тех многочисленных народов горного Кавказа, куда была направлена миссионерская деятельность Византии, Армении, Грузии. Изучение данной проблемы имеет большое значение для выявления культурно-экономических и политических взаимоотношений народов Дагестана и Закавказья в средневековую эпоху. Вопрос о проникновении и распространении христианства в Дагестане освещен в работах советских исследователей (А. Р. Шихсаидов, Д. М. Атаев, М. М. Маммаев, Г. Гамбашидзе и др.).

2. Большой интерес для изучения этого вопроса представляют найденные в Гергебильском районе недалеко от селения Кудутль, (средневековом поселении Кларша), монументальные каменные кресты. Аналогичные кресты (малых размеров) с билингвистическими надписями найдены также в Хунзахском, Гунибском районах. Изображения крестов в большом количестве встречаются в сел. Мачада, Тидиб Советского и ряде других районов.

Однако следует отметить, что изображения крестов не являются показателем христианизации края. Крест как элемент декоративно-прикладного искусства, являясь результатом эволюции солярных знаков типа свастики, широко применявшихся и после принятия христианства. Изображения крестов и солярных знаков занимают значительное место в петроглифе горного Дагестана.

4. Грузинская церковь, начиная с IX века, развернула активную деятельность по распространению христианства в горах Кавказа, строила церкви, часовни и пр. Особенно она усилилась в период царствования Квирке и Тамары. Но вторжение татаро-монгол, Тимура, а затем мусульманских государств привели к прекращению миссионерской деятельности грузинских христиан.

5. Полевой материал, наряду с письменными источниками указывает на существование в горном Дагестане религиозного синкретизма с преобладанием демонотеис-

тических верований. Христианство оставило здесь лишь следы, религия не приняла общенародный характер.

6. Различными были и пути проникновения христианства в горный Дагестан. Начиная с IV века оно проникало в Дагестан и с юга и, видимо, было здесь более стабильным, в то время как на территории западного Дагестана, на границе с Грузией почти или вовсе не встречаются памятники христианской культуры.

Н. А. Магомедов

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДЕРБЕНТСКОМ ВЛАДЕНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. Сведения письменных источников и историко-этнографический материал, собранный нами в 1976 и 1977 годах позволяют реконструировать картину ремесленного производства Дербентского владения в начале XVII в. По ним можно судить о наличии шелковых заводов не только в Дербенте, но и в соседних селах, что позволяет судить об усилении процесса отделения ремесла от сельского хозяйства.

2. Город Дербент являлся значительным ремесленным центром, где было сконцентрировано большое количество ремесленников, занимающихся различными ремеслами. Во всех селах Дербентского владения было развито шелководство, хлопководство, мареноводство, добывали значительное количество минерального сырья (нефть, соль, селитра и пр.), которые служили не только предметами экспорта, но и сырьем для ремесленного производства.

3. Важнейшее место в ремесленном производстве города занимало ткацкое производство. В городе было большое количество шелкоткацких, хлопчатобумажных, шерстяткацких и красильных мастерских (кархана), в которых производили кумиш, бязь, шелковые нити и ткани, различный бархат, дарап, атлас, фату, покрывала. Было широко развито ковроткачество. Ковры, паласы, чувалы и др. ковровые предметы производили не только в городе, но и в селах владения.

4. В первой половине XVIII в. в Дербенте развива-

лось и красильное дело, что было связано с возросшими потребностями ткацкого производства. Сырьем для производства красок служили марена, кашениль, гранатовая и лимонная кожура, листья инжирного дерева, шафран, листья винограда, шелуха лука и другие травы, цветы.

5. В городе были хорошо развиты и другие ремесленные отрасли. Значительное место занимали строители. Ремесленники — оружейники, лудильщики, ювелиры, гончары, производили различные предметы вооружения, домашнего обихода, сельскохозяйственный инвентарь, строители сооружали укрепления и т. д. Сырьем служили медь, железо, жсть и др. металлы, привозимые из России, Шемахи, Баку, Тифлиса и др. городов.

6. Письменных источников об организации ремесел в Дербенте нет, однако, полевой материал свидетельствует о паличии в прошлом профессиональных организаций ремесленников. Для организации определенного вида ремесла и сбыта его продукции ремесленники объединились в корпорации (эскафы). Основными центрами производственной жизни города были кварталы (мехалла). В этих мехаллах проживали и работали ремесленники какой-либо одной или близких отраслей ремесла. Здесь были расположены лавки, где работали мастера (уста), со своими учениками (шагирд).

До сих пор в городе сохранились названия некоторых кварталов, соответствующих роду занятий ремесленников.

М.-С. К. Умаханов

**РОЛЬ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
В ИЗУЧЕНИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА
(XVII—XVIII вв.)**

1. В дагестанской исторнографии серьезное внимание уделялось проблеме связей Дагестана с народами Кавказа и России.

2. Однако до последнего времени лишь отдельные аспекты проблемы экономических и политических взаимосвязей и взаимоотношений самих народов Дагестана

в феодальную эпоху нашли освещение в работах наших историков. Исследование же этой проблемы должно в конечном итоге дать ответ на такой интересный вопрос: как на сравнительно небольшой территории Дагестана в историческом прошлом могло сосуществовать такое большое количество народов, хотя и малых по численности. Это же должно покончить и с фальсификаторскими утверждениями буржуазных исследователей о враждебных отношениях народов Дагестана друг к другу и к соседям и о неспособности их к созидательной экономической деятельности.

3. Чтобы аргументированно осветить поставленную проблему необходимо проследить весь сложный комплекс вопросов, связанных с проникновением продуктов земледелия и животноводства, основных изделий ремесла и домашних промыслов, а также минерального сырья (нефть, сера, селитра, металлы, кремни, соль и т. д.) от одних народов Дагестана к другим в результате исторически сложившегося межэтнического торгового обмена. Необходимо в этой связи установить также пути и места перегона овец, изучить вопрос аренды пастбищ и многие другие вопросы, связанные с экономическими взаимоотношениями народов Дагестана феодальной эпохи.

4. Такая многоплановость исследования создает серьезные трудности. Одной из них является ограниченность источниковедческой базы.

Имеющиеся архивные материалы и другие источники не позволяют осветить многие из поставленных вопросов. Этот пробел источников во многом позволяет восполнить историко-этнографический материал, в ряде случаев являющийся единственным источником для освещения отдельных вопросов особенно относительно высокогорных частей Дагестана.

5. Собранный в кайтагских, табасаранских, агульских, лакских, цумадинских и салатавских селениях материал о том, что производилось конкретно в обследуемых селениях для обмена, что и где продавалось, где и когда их жители приобретали необходимые им товары, у кого арендовали зимние и летние пастбища, с кем имели купеческие связи и т. д., в значительной мере позволяет осветить экономические связи жителей этих селений с плоскостной частью Дагестана, с соседними народами, охарактеризовать основные торговые пути и центры, где

регулярно происходил межэтнический торговый обмен.

6. Комплексное использование архивных материалов и историко-этнографических данных, при критическом к ним подходе, уже сейчас дает нам право говорить о том, что все народы Дагестана в изучаемое время находились в тесных торгово-экономических контактах между собой. Эти связи были многосторонними. Особенно сильны были межэтнические контакты между жителями смежных районов.

7. Позитивные примеры тесных торгово-экономических и политических взаимосвязей из исторического прошлого должны способствовать братскому сплочению народов Дагестана на основе пролетарского интернационализма, являющегося, как отмечалось на XXV съезде КПСС, «одним из главных принципов марксизма-ленинизма» (Материалы XXV съезда КПСС, стр. 31).

Мансуров М. Х.

РАЗЛОЖЕНИЕ СОСЛОВНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЗАСУЛАКСКОЙ КУМЫКИИ ВО 2-ой ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. Полевой материал, собранный нами во время экспедиции 1976—1977 гг. в Хасавюртовском и Кизилюртовском районах, показывает, что в рассматриваемый период в Засулакской Кумыкии земля была объектом купли и продажи. Земли кумыкских князей начали переходить в руки нарождавшейся сельской буржуазии. К концу XIX века большая часть земельных владений князей была продана или заложена в различные банки.

2. Превращение земли в предмет торговли сопровождалось разрушением сословного землевладения, образованием бессословного, а также концентрацией ее в руках нарождавшейся сельской буржуазии и купцов-предпринимателей.

3. Наряду с куплей-продажей широкое распространение имела и аренда земли. Арендаторами владельческих земель, как правило, являлись зажиточные крестьяне, производившие хлеб на продажу и предприниматели, спекулировавшие землей. Развитие торгового

землевладения и большой спрос на землю привели к росту арендной платы. Аренда приобрела капиталистический характер.

4. В процессе разложения феодального землевладения стали возникать крупные хозяйства капиталистического типа, которые, естественно, не могли обходиться без широкого применения наемного труда. Наемной силой становилась беднейшая часть сельского населения, которая, вынуждена была заниматься на постоянную или сезонную работы для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей своих семей.

5. Все это и сосредоточение земли способствовали повышению культуры земледелия, развитию производительных сил и специализации земледельческого хозяйства.

6. Собранный нами полевой материал дополняет и подтверждает архивные данные, извлеченные из архивохранилища ЦГИА СССР в Ленинграде, ЦГИА Грузинской ССР, ЦГА СОАССР, ЦГА ЧИАССР, ЦГА ДАССР.

АРХЕОГРАФИКА, ЭПИГРАФИКА

А. Р. Шихсаидов

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДАГЕСТАНА

Данное сообщение посвящено неизвестным до сих пор памятникам «шамхальского стиля».

1. Сел. Хури Лакского р-на. Арабская надпись на невысокой плите (75×51×16): «Это могила Сулеймана, сына Омара. Год семьсот восемьдесят...» Датируется в пределах 1378—1387 гг. Этот памятник — предшественник надмогильных стел «шамхальского стиля».

2. Сел. Кумух Лакского р-на. Надпись нанесена на подтрапезиевидную плиту (152×75 и 65×11): «Это могила счастливого и мученика, паломника обоих храмов. М. р... сына Юкиласа». Ок. сер. XVI в.

3. Там же. Трапезиевидная плита (104×65 и 50×16) с сохранившейся частью надписи: («Это) могила Омара, сына Халифа». Ориентировочно — XVI в.

4. Там же. Плита небольших размеров (104×77×11): «Это могила Мансура, сына Адама, — да простит их

аллах.— Дата — год тысяча шестой по хиджре пророка», т. е. 1597—1598 гг.

5. Надпись ($64 \times 67 \times 14$): «Это могила Джамала Али, сына К.р.м (вар.: Ф.р.м) = шамхала — да простит (его Аллах), в году тысяча шестнадцатом по хиджре пророка». 1016 г. х. = 1607—1608. Возможно, это наиболее раннее упоминание имени (а не титула). Крым-шамхала.

6. Там же. Высокая плита ($207 \times 60 \times 12$): «Это могила Б. диха (или Б. диджа), сына С.р.х... Дата — год тысяча двадцать восьмой по хиджре...», т. е. 1618—1619 гг.

7. Там же. Плита с надписью ($121 \times 63 \times 16$): «Это могила Абу Бекра сына Али, скончался в девятьсот пятидесятом году», т. е. в 1543—1544.

8. Там же. Плита также сохранила имя и дату: «Это могила Мухаммада Сайида, сына Хасана Сайида. Дата — тысяча восьмой год, т. е. 1599—1600 г.

9. Там же. Надпись (плита: $150 \times 63 \times 63$) относится к 1620 или 1621 г. «Это могила Мамма, сына Абу Бекра. Дата — тысяча тридцатый год хиджры».

10. Там же. Надпись ($147 \times 75 \times 21$) не имеет даты: «Хозяин этой могила С.т М.джд (вар.: М.х.д), сын Алибека.

11. Там же. Плита ($110 \times 74 \times 16$) с надписью: «Это могила Сурхая, сына...—бека».

12. Сел. Хуна Лакского р-на. Надпись ($107 \times 70 \times 15$) сохранила два немусульманских имени. «Это могила Судана, сына С.к. Дата — тысяча шестьдесят третий (год)», т. е. 1652—1653 гг.

13. Сел. Хули Цудахарского р-на. Надпись ($180 \times 166 \times 12$) также сообщает о немусульманских именах: «Хозяин этой могилы Ш. б. т., сын Х.зи».

В этом селении зафиксировано также два памятника без «шамхальской эмблемы, но с упоминанием личного имени «шамхал»: «Владелец этой могилы Халил, сын Шамхала» (1035 = 1625—1626 гг.) и «Владелец этой могилы Ач.л, сын Шамхала». Для сравнения — надпись из Хули: «Это здание (имарат) Уцуми, сына Уцуми» (1045 = 1635—1636 гг.).

14. Возможно на ряд памятников «шамхальского стиля» оказал влияние облик стел из сел. Татиль (XII в.). Одна из них несет надпись: «(отрывок из 2 суры). Это могила шейха (?) имама...ад-Дина».

НОВЫЕ ВОСТОЧНЫЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ И ДОКУМЕНТЫ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ В 1976—1977 гг.

1. В 1976—1977 гг. сотрудники сектора продолжали работу по сбору восточных рукописей в районах Дагестана. Всего приобретено около 100 рукописных книг и более 1000 документов на арабском языке, собранных в Дахадаевском, Хуизахском, Советском, Гумбетовском, Гергебильском и др. районах.

2. В основном новоприобретенные рукописи — это сочинения по арабской грамматике, суфизму, фикху, логике. Большая часть их принадлежит недагестанским авторам, но переписаны в Дагестане. Эпистолярный жанр представлен как официальной, так и частной перепиской.

3. В Дахадаевском районе приобретена 31 рукопись, в том числе «Шарх ал-Иджаз, ал-Гияси» по мусульманскому праву, переписанные в Тебризе в 718/1318—1319 Мухаммедом б. Халилом аш-Ширвани; «Кисас ал-албийя», переписанное в 906/1500—1501 в сел. Наки; «Рисалат ат-Таджали», переписанные в 945/1538—1539. Шейх Ахмадом, по всей вероятности, дагестанцем по происхождению; «Шарх ал-Махалли», первый том которого переписан в 1133/1720—1721 в Акуша, а второй — в 1171/1757—1758 г. в селении Куба Лакского р-на, сборник стихов, автор которых не установлен. В Гергебильском районе приобретено более 50 рукописей.

4. Особую ценность представляет сборная рукопись, представленная в Институт ИЯЛ для снятия фотокопии жителем сел. Охли Расулом Мирзагаджиевым. В ней много копий писем и сочинений в том числе и дагестанских. Значительны выдержки из книги «Мухадарат Ибн ал-Абрар ал-Араби» (ум. 1240) и из «Табакат ал-кубра», известного египетского ученого суфия XVI в. ал-Шарани; дагестанский материал представлен письмами (копии) Таиба Харахинского, Абдурахмана Газикумухского, Гази-Мухаммеда, Шамиля, имама Хаджжи Мухаммеда, Хасана Алкадарн, Сулейман-пашн, сына Мехди шамхала, отрывками из сочинений Абу Бекра Лймакинского, из «Барикат ал-суйуф» Мухамед-Тахира ал-Карахи; списки «Дербенд наме» и «Тарих Дагестана». Здесь

же и записи о вакуфных поступлениях. Приобретена также рукопись — автограф местного происхождения по мусульманскому праву (дата — 1896 г.). Собраны также ценные памятные записи, зафиксированные в конце XIX в. на полях печатного издания, доставленного из сел. Башлы Каякентского р-на (выступления против царских властей, хронологические выписки, земельные споры отдельных обществ, различные «диқовинки» и т.д.).

5. Значительный интерес представляют многочисленные письма на арабском языке. Среди них главное место занимают документы официальной переписки (в частности, письма начальников округов наибам и старшинам или жителям обществ — более 450 единиц; письма губернаторов области). Приобретены письма Мухаммеда Кудутлинского, Шамиля и его наибов, Саида Араканского, много писем-запросов по различным вопросам мусульманского права, в частности, наследованного, имущественного и семейного права.

А. А. Исаев

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(находки последних лет)

Среди дагестанских исторических хроник видное место занимает «Дербенд наме». В XVIII—XIX веках она была переведена на многие языки и в нескольких списках распространилась среди народов восточных и европейских стран.

Списки «Дербенд наме» распространились среди народов дореволюционного Дагестана на арабском, персидском, джагатайском, азербайджанском, русском, аварском, даргинском, кумыкском, лакском языках.

До наших дней сохранились два списка «Дербенд наме», написанные на даргинском языке. Один из них в объеме 38 страниц написан на кубачинском диалекте даргинского языка и переписан в 1908 г. В этой же рукописи имеется написанная на кубачинском диалекте родословная хроника (около 15 страниц) кайтагских, теркемейских и казикумухских ханов, а также краткие сведения по истории средневекового Кайтага.

В обнаруженном (1977 г.) в селении Чирах сборнике содержится также дословно переведенные с арабского на сиргинский диалект даргинского языка две хроники: небольшая (26 стр.) по истории средневекового Кайтага и «Дербенд наме» (45 стр.).

Содержание обоих даргинских списков «Дербенд наме» показывает, что они восходят к одному, написанному на арабском языке архетипу, и переведены на кубачинский и сиргинский диалекты даргинского языка неизвестными нам лицами. Не ясна и дата перевода.

Среди дагестанских дореволюционных лекарей довольно широкой популярностью пользовались произведения по медицине, в том числе и переведенный на дагестанские языки медицинский справочник Лукмана ал-Хакима. До наших дней сохранились три списка этого справочника на даргинском языке. Один из них (71 страница) обнаружен в 1970 г. у жителя селения Урахн Меджидова Багомед-Кади. Он переписан в июле 1833 г. Гамзатом Гамзатовым из Губдена и подарен им своему сыну Алибулату; второй (116 стр.) переписанный в 1897 г. жителем селения Гинта Умаром для своего друга Гасана из Дейбуки, найден в 1976 г. в селении Чирах; третий (64 страницы) найден в 1974 г. в поселке Первомайское, переписан в 50-х годах нашего столетия Дярчиевым Абдуллой из Мулебки.

Каждый из этих рукописных сборников включает в себя и другие написанные на даргинском языке небольшие (49, 10, 11 страниц) медицинские справочники, а также стихи и другие записи произведений неизвестных авторов.

Наряду с произведениями различного содержания, написанными в XI—XIX веках представителями народов Дагестана, и переведенными ими в XVIII—XIX веках на местные языки историческими хрониками, медицинские справочники, распространившиеся среди горцев, способствовали дальнейшему развитию местной письменной культуры и обогащению дагестанских языков.

В Центральном государственном архиве и в разных населенных пунктах Дагестана в последние годы нами найдены написанные на местных языках сборники произведений дагестанских дореволюционных авторов, в том числе и написанные на даргинском языке сборники произведений Омарла Батырая, Балея из Бутри и других поэтов, а также устно-поэтического творчества.

Дошедшие до нас своеобразные антологии и другие списки показывают, что произведения дагестанской до-революционной литературы распространялись среди горцев, переходили из поколения в поколение не только устно, но и в записях.

В 1976—1977 гг. нам удалось документально установить год рождения классика даргинской поэзии Омарла Батырая — 1817 год — и год смерти известного дагестанского ученого Дамадана Мугинского (похоронен в городе Гянджа в 1138 г. х.—1725—1726 гг.).

Т. Айтберов, А. А. Иванов,
А. Д. Казанбиев

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ТЕРРИТОРИИ АВАРИИ

1. Трапециевидная плита размером $32 \times 26(32)$ см. с восьмистрочной надписью религиозного содержания. Почерк—куфи. Найдена в Хунзахе в квартале Самилал. в земле. Датируется XII—XIII вв.

2. Прямоугольная плита, размером $18 \times 12,5$ см с надписью в четыре строки. Почерк — куфи. Найдена неподалеку от первой. Датируется XII—XIII в. Содержание: строка 1 — конец 112 суры Корана; строка 2 — три имени собственных, причем первые два, видимо, не арабские, а третье — Муса, написанное с ошибкой; строка 3—формула единобожья. Данная плита, как и предыдущая, скорее всего находилась раньше в стене мечети.

Эти две надписи показывают, что в XII—XIII вв. в Хунзахе были мусульмане. Возможно, что надписи — след правления там эмира Ахмада.

3. Надгробие размером $1,34 \times 0,62$ (0,61) м; стоящее в Хунзахе на кладбище Лъархъал. Надпись сделана почерком сулс с элементами насха. Содержание: «Владелец этой плиты — Сафилав б. Алигилиж». Дата 791/1388—89 гг.

Эта надпись подтверждает, что во втор. пол. XIV в. в Хунзахе были князья-мусульмане. Возможно, что княжеский род Аликлычевичей (Аликиличпал), упомянутый в «Завещании Апдуника» — потомки князя Алигилича, отца Сапилава.

4. Надгробие размером 86×53 (47) см., стоящее в Хуизахе, на кладбище Самилал. Надпись сделана почерком сулс. Содержание: «Это могила Аба(?) б. Халмага». Датируется приблизительно XV—XVI вв. (по методике А. Р. Шихсаидова).

5. Плита размером $40 \times 20,5$ см с четырехстрочной надписью. Почерк — насх, с элементами куфи. Найдена в сел. Корода, в стене соборной мечети. Палеографически датируется XIV—XV вв., причем мы не исключаем, что нижним пределом здесь может быть и XIII в. Строка 1 — написана по-арабски (басмала), а строка 2—4 — на аварском языке. Предлагаемое чтение аварского текста: «Глакъа (т. е. глакIа) гъабуге мазгит гъабуразе росда Алак-мазгита вакъф гъабурал. ГI акъа гъабуге бусурбаби!» — «Сделавшие вакф сельской Алак-мечети не берите (букв. не делайте) штраф со сделавших (эту) мечеть. Не берите штраф мусульмане!»

Кородинская надпись сообщает о существовании института «вакфа» в названное время. Это в свою очередь позволяет говорить, что в Корода были люди, владевшие земельными участками на правах мурка.

СОЦИОЛОГИЯ

Т. Абдусаламова

ХАРАКТЕР ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ДАГЕСТАНА

(некоторые итоги социологического исследования в 1967—1977 гг.)

Широкое вовлечение женщин в общественное производство стало в нашей республике, как и во всей стране, устойчивой социально-экономической закономерностью. Так, по статистическим данным женщины составляют ныне более половины (51,2%) общей численности рабочих и служащих республики.

С целью выявления конкретного материала по вопросам характера трудовой активности, об отношении женщин-работниц к общественному труду, о мотивах участия их в труде проведена работа (анкетирование,

интервью, наблюдения) по сбору социологического материала в Левашинском, Гергебильском и Каякентском районах ДАССР.

Анализ собранного материала показал, что немного более половины всех опрошенных женщин-работниц (50,8%) считает нужным участие женщины в общественном производстве. Менее половины (40,1%) считает не нужным это участие. И только менее десятой части (9,1) не высказали своего отношения к участию женщин в общественном производстве. При этом 68% работниц, не считающих нужным участие женщины в общественном труде, обосновали свое мнение тем, что женщинам трудно совмещать общественный труд с домашней работой. Остальная часть (32%) — считает, что женщины должны заниматься только домашними делами.

Степень активности женщин-работниц в общественном труде в значительной мере зависит от мотивов (причин) участия работниц в труде. Весьма важно определить мотивы, в связи с которыми женщины работают в общественном производстве. На основе материала большинство (98,3%) опрошенных работниц свое участие в общественном труде объясняют необходимостью дополнительного заработка для семьи. Более трети (37,9%) — просто желанием участвовать в общественном труде. Около четверти (23,8%) — потребностью использовать свои специальные знания. И менее пятой (14,6%) — стремлением быть материально независимой. Среди опрошенных женщин-работниц большинство отметило мотивом своего участия в общественном труде материальную и меньшинство моральную заинтересованность. При этом чем выше уровень образования и квалификация опрошенных, тем больше среди них мотивирующих свое участие в общественном труде моральной заинтересованностью в нем.

Более подробный анализ собранного материала позволит определить особенности совмещения работницами общественного труда с домашней работой, выявить трудности в решении вопросов эффективного совмещения женщинами труда в общественном производстве и в быту.

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДНИХ ШКОЛ ДАГЕСТАНА

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» — один из результатов глубокого анализа школьного образования, соотнесения достигнутого с требованиями социального прогресса. Это — один из важнейших шагов к реализации ярко прозвучавшей в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде партии мысли о серьезном совершенствовании системы народного образования и в первую очередь средней школы.

Выбор профессии выпускниками средней школы, как известно, определяется многими причинами и прежде всего общей подготовленностью к жизни, труду, осведомленностью о различных сферах человеческой деятельности, потрясениями народного хозяйства в кадрах той или иной специальности и т. п.

Изучению этих вопросов в условиях Дагестана посвящено одно из полевых исследований сектора социологии и права в текущей пятилетке.

Осуществленный в 1977 году среди выпускников сельских средних школ (Чародинский район) опрос на предмет их профессиональных намерений, несмотря на его предварительный характер, позволяет сделать следующие выводы:

1. Те, кому сегодня 25—55 лет, в большинстве своем желают чтобы их дети приобрели профессии врача и инженера-строителя. Важно обратить внимание на то, что данная возрастная категория населения наиболее тесно общается с сегодняшними выпускниками, а в пробуждении их интереса к той или иной профессии мнение отца, матери, родственников, педагогов или специалистов играет далеко не второстепенную роль.

2. Все еще обнаруживается влияние традиционного представления местной среды о «солидности» профессии.

3. Определение репутации средней школы количеством выпускников, поступивших в ВУЗ, — причина и следствие исторического этапа, пройденного нашей страной в своем социальном развитии. Указанный критерий не

вызвал возрождений до тех пор, пока школа рассматривалась учреждением, готовящим своих выпускников преимущественно к учебе в ВУЗ. Ныне, когда завершение перехода ко всеобщему среднему образованию поставило перед средней школой иные задачи, когда она превращается в учреждение, готовящее юношей и девушек к жизни и труду во взрослом обществе, возникает настоятельная необходимость в разработке иных показателей. Показателей не только уровня преподавания (каким считается количество выпускников поступивших в ВУЗ), но и всей работы службы профессиональной ориентации в школах, в том числе и идейно-воспитательной.

М. А. Расулов

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

КПСС в современный период развития нашего общества уделяет постоянное внимание вопросам улучшения подготовки, воспитания и расстановки сельскохозяйственных кадров. Новой заботой о них является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по стимулированию перехода специалистов сельского хозяйства на работу руководителями отделений, бригад, ферм и других подразделений среднего звена производства в колхозах и совхозах». Это постановление имеет непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме: «Бюджет свободного времени сельской производственной интеллигенции».

На основе данных статистики и полевого материала в докладе обобщаются результаты исследования, носящие предварительный характер, определяется, что следует понимать под категорией «сельская производственная интеллигенция», показывается динамика ее роста в 70-х годах, уделяя при этом особое внимание вопросу повышения квалификационно-профессиональных характеристик руководителей сельскохозяйственного производства.

Говоря о социальных факторах развития сельской производственной интеллигенции, основной акцент делается на рост их образовательного уровня.

Поскольку в сельскохозяйственном производстве существуют два вида хозяйств: кооперативно-колхозное и государственное, совхозное, то количественные и качественные изменения в среде интеллигенции рассматриваются в сравнительном плане. Так, если в 1975 г. доля представителей колхозов, имеющих высшее и среднее специальное образование, составляла 59,9% всех представителей колхозов, директоров совхозов—соответственно 81,9%, то к середине 1977 г., т. е. менее чем через два года она увеличилась соответственно до 67,4 и 92,7 процентов.

Более высокие требования, предъявляемые к руководителям и специалистам сельского хозяйства, способствуют повышению образовательного уровня практиков через систему заочного обучения.

Удельный вес практиков, обучающихся заочно, увеличился в колхозах республики в 1977 году по сравнению с 1971 годом почти в два раза.

Полевой материал, собранный автором в Чародинском, Левашинском, Буйнакском и Хасавюртовском районах, показывает, что степень общественно-политической активности сельской производственной интеллигенции в свободное время находится в прямой зависимости от ее образовательного уровня. Как показало проведенное в Хасавюртовском районе обследование, доля лиц, которые принимают активное участие в общественной работе составляет среди руководителей и специалистов сельского хозяйства, имеющих высшее образование, 84%, среднее специальное образование—76%, среднее общее образование—75%, неполное среднее образование—70%.

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

М. М. Маммаев

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА В 1976—1977 ГОДАХ

1. Работы по изучению памятников декоративно-прикладного искусства Дагестана в 1976—1977 гг. проводились в Дахадаевском, Лакском, Каякентском и Дер-

бентском районах, где были исследованы средневековые резные камни, бытовая резная деревянная утварь XIX—начала XX вв., художественная керамика эпохи бронзы и значительно более позднего времени—середины XX в.

2. В Дахадаевском районе работы велись в пос. Кубачи, в урочище Дацамажила, в сел. Калакорейш, Ицари, Санжи. В пос. Кубачи уточнялись и сверялись ранее обследованные памятники резьбы по камню, велись поиски новых памятников. Здесь, в кладке стен Джума-мечети и в кладке стен жилых домов, выявлены новые, неизвестные до сих пор резные камни—детали архитектурного декора, покрытые великолепной художественной резьбой.

3. Среди памятников резьбы по камню, изученных близ пос. Кубачи, на раннемусульманском кладбище «Бидихъ хуппе», особый интерес представляет надмогильный памятник XIV в., имеющий точную дату—1361 г. (783 год хиджры). Это вторая, точно датированная плита среди ранней группы памятников Кубачи, которая дает возможность путем сравнительного анализа стиля и техники резьбы, определить хронологию других, недатированных памятников.

4. В сел. Калакорейш исследованы средневековые надмогильные памятники, покрытые высокохудожественной резьбой; тщательно обследовано, известное по публикациям А. С. Башкирова, Э. В. Кильчевской и других, сундукообразное надгробие с изображениями львов по сторонам орла, различных орнаментальных мотивов и арабской надписи. Точная фиксация их позволила установить синхронность изобразительных сюжетов и арабской надписи, что очень важно для уточнения датировки надгробия (XI—XII вв.)—одного из наиболее ранних монументальных памятников резьбы по камню в Дагестане.

В сел. Ицари и хуторе Санжи изучена незначительная группа средневековых резных камней—архитектурных деталей и надмогильных памятников с изобразительными сюжетами и арабскими надписями.

5. В Лакском районе работы велись в сел. Кумух, Хури, Хурукра. Больше всего памятников изучено в сел. Кумух, на кладбищах Табахлу, Чилайми и на Шамхальском кладбище. Резные надмогильные памятники, обследованные здесь, относятся в XV—XVII вв. Некоторые из них были изучены ранее М. С. Саидовым и Л. И. Лав-

ровым с точки зрения их эпиграфических особенностей, а художественные достоинства памятников не затрагивались. В Кумухе выявлена также керамика 30-х г. XX вв., вероятно сулевкентского производства и бытовая резная деревянная утварь XIX—начала XX в. местного производства.

6. В 1977 г., работая в составе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ под руководством М. Г. Гаджиева, в Каякентском и Дербентском районах, мы изучили керамику бронзового века, добытую при раскопках Каякентского и Великентского поселений.

7. В результате проведенных в 1976—1977 гг. экспедиционных работ собран важный и значительный по объему материал, который дополняет наши знания об истории декоративно-прикладного искусства Дагестана.

П. М. Дебиров

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДАГЕСТАНСКОГО ОРНАМЕНТА ЛЕНТОЧНОГО СТИЛЯ

(по материалам экспедиции 1976—1977 гг.)

1. В настоящее время наука по народному монументально-декоративному искусству Дагестана накопила достаточный материал, и можно начать систематическое изучение художественного наследия народа. Решение важных вопросов культурного влияния и заимствования, особенно связей дагестанского искусства с длительными художественными течениями или историческими стилями, позволяет пролить свет на самобытные основы дагестанского традиционного монументально-декоративного искусства и типов его орнамента.

2. Древнее и средневековое орнаментальное искусство Дагестана, глубоко своеобразное, сохранило в то же время следы влияния искусств других народов с древних времен. Это вполне естественно для Дагестана, расположенного на перекрестке мировых исторических путей. Однако исследователи редко обращаются к внутренним причинам, способствовавшим внедрению элементов иноземной культуры в дагестанское искусство. Проф Р. М. Магомедов был первым, кто указал на взаимное культурное влияние и на условия, способствовавшие этому.

Фактический материал, накопленный нами в течение двух десятков лет исследовательской работы и полевых экспедиций, дает возможность подтвердить и дополнить высказывания Р. М. Магомедова.

3. Монументальный орнамент народов Дагестана включает в свой состав исторически разновременные типы. Древнейший из них — тип геометрического орнамента. В средневековую эпоху в монументальный орнамент внедряются формы ленточного и растительного стилей, сильно разнообразившие решения тем, форм и видов декора.

Древнейшие памятники рассматриваемого орнамента связаны с христианством — это votивные стелы XII—XIII вв., обнаруженные главным образом в селениях Гунибского и Рутульского районов. Они указывают на проникновение христианства в Дагестан через соседствующую Грузию и г. Дербент.

Развитые в искусстве Дагестана ленточные узоры имеют типичные черты, отличающие их от грузинского и армянского орнамента. Они в характере и выборе композиционных схем строчных узоров, особенно розеточного типа, а также в отсутствии в плетенке растительных элементов. В целом рисунок композиций отличается простотой и монументальностью.

Выделенные черты разнились благодаря органической связи привнесенных схем (лейтмотивов) с народным традиционным искусством, расцвету архитектуры в средневековый период (возникновение крупных селений), взаимовлиянию резьбы интерьеров жилищ и культовых сооружений.

4. Форма ленты была достаточно развитой в орнаментальном творчестве древнего населения Дагестана (орнаментике гончарного и ювелирного искусства). Об этом свидетельствуют находки позднебронзового, раннежелезного и албано-сарматского периодов. Двухленточный жгут — «родоначальная схема» плетенки, появляется в произведениях торевтики VI—VII вв.

Орнаментальное искусство Дагестана было исторически подготовлено к усвоению более сложных (средневековых) схем и элементов ленточного орнамента. Говоря проще, привнесенные элементы как бы осели на более популярные традиционные схемы геометрического стиля искусства Дагестана.

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДНОСТЕЙ АВАРСКОЙ ГРУППЫ

(по материалам полевых исследований 1976 г.)

1. В связи с тем, что танцевальная культура собственно аварцев и входящих в аварскую группу народностей и языковых групп никогда не была предметом научного исследования, перед автором стояли задачи как изучения этой культуры в целом, так и ее отдельных аспектов. С этой целью экспедицией 1976 года были охвачены следующие высокогорные районы Дагестана: Цумадинский, Ботлихский, Ахвахский и Хунзахский.

2. В ходе изучения и фиксации танцевальных форм была выявлена круговая форма как доминирующая и возможно единственная, что видимо подтвердят будущие исследования в других районах, где проживают народности аварской группы.

3. Для аварцев характерно парное или дуэтное исполнение танца, именуемого на различных диалектах по-разному, но в корне, имеющем одинаковые фонемы. Этот танец независимо от его вариантных особенностей мы называем лезгинкой по трем характерным признакам: 1) ход по кругу в одном, затем в обратном направлении; 2) мягкий мелкий шаг у женщины; несколько более энергичный, но также небольшой у мужчины; 3) характерное положение рук: разведенные по II позиции с чуть провисшими локтями у женщины, и типичные для лезгинки позиции у мужчины, т. е. одна рука на уровне плеча, другая либо прижата к сердцу, либо согнута за спиной. По-видимому накладывает свой отпечаток на позиции рук у женщин, которые больше, чем мужчины придерживаются традиционной одежды, своеобразная одежда аварок — свободная черная туника, подхваченная почти всегда красным кушаком. На осанку женщин-андиек, на наш взгляд, оказывает влияние их национальный головной убор.

4. У аварцев выявлено также групповое исполнение танца (лезгинки) главным образом женщинами. На свадьбах к жениху выходит до 10—12 женщин, которые танцуют с ним по кругу. Мы усматриваем в таком ис-

полнении очень древние традиции, восходящие к полигамному браку.

5. Наблюдая танцы тиндалов (Цумадинский район), можно выделить небольшое покачивание корпуса у женщин во время движения по кругу рядом с партнером, отходящим назад. Такое плавное покачивание уже не встречается в других районах.

6. В ходе исследований были зафиксированы некоторые обряды, сопровождаемые танцевальными действиями, это обряды, связанные с земледелием и вызыванием дождя.

7. В селениях Арчо (Ахвахский район), Зило и Чанко (Ботлихский район) были обнаружены чисто местные самобытные формы танца: с восьмеркообразным рисунком в Арчо и диагонально-линейным в Зило и Чанко (так называемый андийский танец).

8. Изучение танцевальной культуры народностей аварской группы подтверждает предположение относительно единства танцевальных традиций у горцев выше названных районов, за небольшим исключением — танцы ахвахцев и андийцев представляют собой иную по рисунку и движениям форму, выделяющуюся своей самобытностью.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г. Х. Ибрагимов

ДИАЛЕКТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦАХУРСКОГО ЯЗЫКА

Цахурцы (самоназвание йихъбы) населяют верховья реки Самура (Рутульский район Даг. АССР) и предгорье Алазанской долины (Закатальский и Кахский районы Аз. ССР).

Цахурский язык непосредственно контактируется с рутульским, аварским, грузинским и азербайджанским языками. Билингвизм и полилингвизм у цахурцев имеют давние традиции.

Диалектная дифференциация цахурского языка исторически обусловлена хозяйственно-культурным и со-

циальным укладом, а также естественно-географическими факторами.

Веками сложившиеся традиции сочетания природных условий гор и плоскости в ведении хозяйства, а также социальные отношения, связанные с особенностями общинного землепользования, обеспечивали активное общение цахурцев как внутри общины, так и между общинами. Однако более интенсивным во все времена оставалось внутрихозяйственное общение.

Выделение в цахурском языке двух диалектов (цахурского и гельмецкого) полностью согласуется с историей их носителей и объективно отражает генетические связи языка.

Гельмецкий диалект (речь сел. Гельмец и Лек) является переходным. По фонетической характеристике он примыкает к рутульскому языку. Гельмецкий диалект, в сравнении как с рутульским языком, так и с цахским диалектом, обнаруживает несравненно больше архаических черт, восходящих к цахурско-рутульской языковой общности. Это обстоятельство позволяет данные гельмецкого диалекта в этимологических изысканиях рассматривать хронологически на уровне самостоятельной языковой единицы.

Цахурский диалект занимает обширную территорию в верховьях Самура и в Алазанской долине. Языковые отличия внутри диалекта выражены на уровне говоров и ограничиваются границами бывших хозяйственно-культурных союзов.

Ф. А. Ганиева

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ХИНАЛУГСКОГО ЯЗЫКА

Животноводческая терминология принадлежит к отраслевой лексике. Отраслевая лексика или микролексика, которая не претендует на общеупотребительную лексику, по мнению А. С. Чикобава, может включаться в общеупотребительную лексику лишь частично. Тем не менее значение изучения отраслевой лексики велико для изучения не только языка, но и истории народа, говорящего на данном языке.

Для хиналугского языка характерно наличие множества терминов, связанных с животным миром и животноводством. В этой группе терминов прослеживаются исконные и заимствованные названия.

В исконных названиях животного мира можно выделить наименования животных и их детенышей по следующим признакам:

а) по возрасту (*луццоз* «корова», *лихъавз* «теленок», *хъиччаъж* «теленок до 1—1,5 лет», сомы «теленок до 3 лет», *члувал* «овца», *ккарппа* «ягненок только что родившийся», *клу* «ягненок от 2 до 5 месяцев», *вукъар* «ягненок после первой стрижки», *шаг* «овца после 1 года»);

б) по масти (*хъырцыл члувал* «белая овца», *къалчи* «овца бурой шерсти», *мичлаб члувал* «черная овца», *главгавр* «овца с белыми, черными, бурыми пятнами», *хлавбрав* «овца с белым пятном на лбу», *з(и)дир* «беловатая овца», *цыма з(и)дир* «красно-белая овца»);

в) по форме ушей и рогов (*башаг* «безухая овца», *абар* «овца со средними ушами», *топшы* «ушастая овца», *ваьчки члувал* «овца с рогами»).

Своеобразны наименования диких животных в хиналугском языке. Названия животных, представленных на территории распространения хиналугского языка, по своему происхождению восходят, в основном, к традиции общелезгинского языка основы. Например: хин. *псы* «медведь», срв. лезг. *сев*, таб. *шваь*, цах. *сов*, буд. крыз. *сор*; хин. *пилаь* «лиса», срв. лезг. *сикI*, буд. *сакул*, цах. *силвал*, удин. *су*, таб. *шу*; хин. *клизав* «заяц» срв. лезг. *къуьр*, агул. *къур*, цах. *къилъе*; хин. *нукIур* «мышь», срв. лезг. *къиф*, цах. *къал*, арчин. *новкъоIn*, удин. *моьл*, *моькъоIл* и др.

А названия других животных и мифологических существ (воспринимаемых хиналугцами как животные) на данной территории вошли в хиналугский язык из восточных языков. Например: *фил* «слон», *даьваь* «верблюд», *аслан* «лев» и др.

Наличие большого количества дифференцированных терминов для домашних животных говорит о том, что хиналугцы издревле занимались разведением домашних животных.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА

(по данным чирагского диалекта)

1. Одним из основных терминов кровного родства по прямой линии является **отец**, в номенклатуре которого различают такие разновидности:

а) *дудеш* (акуш. и гуд.);

б) *датте* (чираг), увязываемый с терминами *атта* (бутр., кайт., кубач.), *тата* (нац., ург.), *адай* (мег.).

Корень **-д.** общий с терминами бесписьменных языков лезгинской группы: *дид* (рут.), *ада* (буд.), *дад* (аг.), а также *даа* (ингуш.), *дад* (бац.), *даа* (чеч.). Это дает возможность полагать, что термин в значении **отец** относится к числу терминов определенного дагестанско-вейнахского уровня эпохи ранней бронзы (II тыс. до н. э.).

2. Группа терминов, передающих понятие **дочь** делится на термины:

а) с повторением элемента основы **-р** (в большинстве даргинских диалектов: *рурси* (акуш., урах., губ., мекег...), *рирси* (кайт.);

б) без повторения элемента **-р** в основе: *йусси* (кубач.), *рисси* (чираг.). Последние стоят ближе к терминам из других дагестанских языков, т. е. они относятся к общедагестанскому хронологическому уровню.

Первые, бытующие в большинстве диалектов, относятся к периоду распада общедагестанского единства.

3. В чирагском диалекте для передачи понятий по старшинству бытуют термины: *зазай* или *хвали зазай* «старшая сестра», *аццай* «старший брат».

Существуют соответственно и термины, передающие понятие младших возрастов: *никлазай* «младшая сестра», *никкацай* «младший брат».

4. В отличие от других даргинских диалектов, где понятие дядя (по отцу и матери) передается сочетанием или слиянием слов: *дудешла удзи* (акуш.), *адавдзи* (урах.), в чирагском существует термин **диттикьяр**, в котором заслуживает внимания суффикс **кьяр**. Форма мн. ч. *даттишкьере* проливает свет на происхождение суффикса **кьяр**, который можно увязать с *букьур* в значении **родственник**.

5. Понятие женщина, жена в чирагском диалекте передается термином **хьада**, отличным по структуре основы от термина **хьунул** других даргинских диалектов.

Анлаутные элементы **ди** и **де** аварского и чирагского лексем материально однотипны. Срав. *лъгади* ав., *хьаде* чираг.

Элемент **-д** в чираг. выступает вместо **-н** в других даргинских диалектах, в то время как **анлаутный** элемент **-хъ** является общим.

Исходя из этого можно заключить:

переход исконного **-лълъ** (авар.) в **-хъ** в анлауте даргин. терминов произошел раньше, чем изменение анлаутного элемента **-д** в основе.

6. Термины в значении **отец** и **мать** и их потомков: **сыновья**, **дочери**, а также **брат** и **сестра** первоначально не были дифференцированы, имели одну общую основу. Оформление их с помощью классных экспонентов явление позднее.

ФОЛЬКЛОР

А. М. Аджиев

СБОР И ИЗУЧЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

1. Среди многонациональных регионов Дагестан уникален комплексом своих особенностей: а) многочисленностью народов и этнических групп на сравнительно небольшой территории; б) многочисленностью языков, не только относящихся к разным семьям, но сильно различающихся и внутри одной иберийско-кавказской семьи; в) малым количеством носителей целого ряда языков и говоров; г) исповедованием в прошлом различных религий: ислама, иудейства, христианства; д) известной разницей в социально-экономическом развитии, общественном устройстве некоторых микрорегионов края; е) географической затрудненностью общения в высокогорных районах и др. Все это, разумеется, не могло не сказаться на фольклоре. Ниже мы отметим некоторые проблемы дагестанской фольклористики, связанные, на наш взгляд, с названными выше особенностями края. Разрешение их может иметь важное типологическое значение

для фольклористики, т. к. в Дагестане многие процессы происходят в среде небольших этносов, на малой территории, и они, как бы фокусируясь на малую плоскость, нередко сравнительно легко уловимы.

II. Фольклорный материал показывает, что древние пласты поэтического эпоса у народов Дагестана в целом идут на убыль по мере «продвижения» с севера на юг. Как бы встречным потоком убыванию героико-эпического «багажа» в целом идет возрастание лирического, особенно типологически, видимо, поздних малых форм. Сказанное свидетельствует о том, что в развитии жанров прослеживаются определенные закономерности, исследование которых может иметь не только «узкодагестанское», но и общетеоретическое значение.

III. С поисками истоков некоторых поздних сюжетов связана, в частности, проблема древнейших основ дагестанского песенного фольклора. Правомерность таких поисков, а также попыток реконструировать пути многовековой эволюции сюжетов подтверждается найденными нами древнейшими истоками горско-дагестанской баллады об охотнике, оставленном в ущелье. Наш анализ показал, что истоки этого сюжета, несмотря на его позднее оформление у дагестанцев, восходят к общекавказскому древнейшему ритуально-мифологическому пласту.

IV. Исследователи отмечали, что бытующие у разных дагестанских народов общие песни—не процесс механического заимствования, а результат творческого усвоения, переработки, взаимообогащения и т. д. Это верно, хотя нужно обращать больше внимания и на генетическое родство некоторых памятников (см. разд. III). Процесс взаимодействия фольклора разных народов и этнических групп своеобразно и ярко проявляется в творчестве малых, бесписьменных народов Дагестана, к изучению которого сектор приступил в последние годы. Здесь, как правило, наблюдается у исполнителей двуязычие, трехязычие и более.

V. Среди других проблем, для разрешения которых необходима дальнейшая целенаправленная собирательская и исследовательская работа, отметим еще следующие: советский фольклор, фольклор бесписьменных народов, нартский фольклор в Дагестане, эпос о Шарвили, ритуально-мифологический фольклор, музыкальный фольклор и др.

СУДЬБЫ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(по записям последних лет)

1. Современный фольклор народов Дагестана состоит из традиционного наследия, созданного задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, и современных произведений, рожденных жизнью советского народа. Судьба традиционной обрядовой поэзии в советский период своеобразна.

Одни полагают, что древнейший вид народной лирики (обрядовая поэзия) уже давно исчерпал себя и фактически исчез из современного народного быта. Другие же, признавая факт неизбежного исчезновения обрядовой поэзии, считают, что она живет активной творческой жизнью.

2. Современные варианты традиционных обрядовых песен изменились в композиции, образах, стиле, а также сменили свою функцию, что сказалось на всем их строе. Календарно-обрядовые песни стали преимущественно своеобразным жанром детского фольклора, многие свадебные песни звучат как лирические, некоторые лирические песни превратились в исторические. Эти изменения в бытовании песни привели к изменению в жанре ее исполнения, к значительному сокращению символики, а часто к полному изменению жанра.

3. Фольклорная экспедиция последних лет зафиксировала ряд текстов календарно-обрядовой поэзии в различных районах Дагестана еще в живом бытовании, но в форме детского фольклора. В реликтовой форме сохранились обряды встречи весны и первой борозды. С изменением обряда в наше время отмирает и магическая поэзия, величальные песни, связанные с встречей весны и гадаaniem о суженом. Изменились и функции заклинательной поэзии, соотносимые с праздником первой борозды. Обрядовые песни, связанные с заклинанием дождя и солнца, сохранились фрагментарно.

4. Традиционный обряд народной свадьбы в аулах заметно стал деградировать в начале XX века. С распадом обрядовой схемы начинает меняться и связь свадебного действия с песнями.

В наше время многие свадебные песни—веселые,

красочные—продолжают жить в новом обряде свадьбы. Другие существуют в качестве художественного наследия в профессиональном искусстве и художественной самодеятельности. Третьи оторвались от своей исчезнувшей основы—традиционного обряда, перешли в народный репертуар в качестве необрядовых лирических песен.

Величальные песни, записанные в одной и той же местности, с интервалом 100, 50 лет, по объему стали меньше. (Записи в Кумухе, Гергебиле, Хосрехе). Изменились функции песен-наставлений. Шуточные, корильные песни сохранились в фольклоре лезгин, а в пережиточной форме и жанр свадебных загадок в кумыкском фольклоре.

5. Поэзия скорби появилась в глубокой древности, вызвана к жизни культом предков, имела магический смысл. К сожалению, не сохранились какие-либо записи похоронных обрядовых плачей в дореволюционную пору. С начала XX века плачи, как жанр народного творчества, стали у многих народов изменяться и угасать. Известны регионы, где еще сильны традиции причитаний. В период Великой Отечественной войны этот жанр возрождается, начинает новую жизнь у всех народов Дагестана. Возрождается и разновидность жанра—плач-воспоминания. Редкой находкой является запись обряда и поэзии («Къянкъа бурчуйн лахъаву»).

Причитания—затухающий жанр. С изменением самого обряда похорон наблюдается изменение и в поэзии. Тексты сохранили лишь некоторые общие формулы и схемы. Сохранилась традиция создания шуточных плачей и причитаний (пародирование плачей). Возрождается жанр народной эпитафии—надписи на надмогильных плитах.

М. Халидова

РУДИМЕНТЫ ОХОТНИЧЬЕГО ЭПОСА В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(на материале экспедиций 1976—1977 гг.)

1. Древнейший пласт фольклора — дагестанский охотничий эпос, восходящий к народным традициям охоты, не был до сих пор предметом специального изучения.

Но в процессе анализа демонологического образа «Женщины Ал», мужской параллели ее — саблегрудного мужчины, мы выявили, что в прошлом эти образы выступали покровителями зверей, леса, что позволяет отнести их к охотничьему эпоху. Установлено также, что генетические истоки их восходят к единому общекавказскому образу хозяина леса, зверей.

2. Фольклорные записи последних лет свидетельствуют о том, что первоначально покровитель животных и леса у дагестанцев, как и у других кавказских народов, был зооморфен. Это марал, змея.

В дальнейшем в результате антропоморфизации покровительница животных обретает облик женщины в белом одеянии, с длинными распущенными волосами, которая может принимать свой зооморфный образ (сказания «О марале», «Охотник на скале», «Легенда о муслахском чабане»). Эти легенды, сказания построены на мотиве встречи охотника с покровительницей животных. Она, как правило, мстит охотнику-чабану за убийство ее детеныша.

3. Воплощением покровительницы дичи, животных, по всей вероятности, являлась и змея. В результате развития скотоводства и земледелия роль охоты в экономической жизни древних людей уменьшилась, соответственно произошли определенные ограничения и в функции змеи — она становится покровительницей дома, хранительницей достатка.

4. В период утверждения ислама старые боги постепенно забывались, «Женщина Ал» превратилась в злого лесного духа, в женщину-чудовище. Функции покровителей зверей перешли к мусульманским святым — будуалам (у аварцев).

5. Под влиянием ислама сказания о покровителях дичи, животных претерпевают изменения — происходит смешение языческих представлений с мусульманскими. Будуалы обитают, как правило, на священной горе, одеты они в зеленое одеяние, почитаемое у мусульман и т. д.

6. Аварские сказания о будуалах сохранили ряд представлений охотничьего мира (мотивы избранничества, встречи охотника с будуалами, пиршество с ними, нарушение охотником табу, смерть его и т. д.).

Главная функция будуалов — распределение охотничьей добычи. Причем охотники получают в добычу уже раз съеденных и оживленных будуалами зверей.

7. В образе сказочного лесовика (сказка «Кайтагед Багома») прослеживаются черты древнейшего покровителя леса, животных. Мотив наделения лесовником героя чудесными дарами, благодаря чему тот достигает удачи, становится компонентом охотничьего эпоса.

8. Сопоставительный анализ дагестанских легенд, сказания о покровителей дичи и зверей с кавказским, в частности грузинским, охотничьим эпосом, позволяет говорить, что и в Дагестане в прошлом широко бытовал охотничий эпос.

Ф. Алиева

О ХАРАКТЕРЕ БЫТОВАНИЯ САТИРИЧЕСКИХ СКАЗОК

(на материале записей последних лет)

1. В настоящее время со всей остротой встал вопрос об изучении бытования и поисках истоков существующих форм сказочной фантастики, обращение к которым означает переход к качественно новому этапу исследования сказки и демонстрирует закономерность эволюции подлинно народного искусства.

2. Материалы экспедиции последних лет по сбору дагестанского прозаического фольклора, в частности социально-бытовой сказки, выявляют большую разнородность и разнохарактерность ее сюжетного состава, определяемого как специфическими чертами эстетической природы самого жанра, так и своеобразием путей его исторического развития.

3. Характерная черта сюжетной структуры сказок — в сосуществовании традиционных сюжетов, основа которых определена мифологическим мышлением, и новых, — отражающих те или иные явления классового общества.

4. Выделяется целая группа сказок, построенная на приеме иносказания, уходящего своими корнями в некоторые доисторические верования, связанные с тайной и условной речью древних людей. Это так называемые сказки-загадки, с целым рядом специфических признаков.

5. Явление иносказания, первоначально связанное с практической жизненной потребностью людей, в процессе исторического развития претерпевает значительную

эволюцию, наполняясь новым, чисто художественным содержанием. Сказки, основанные на загадках, выражают думы, чаяния и стремление народных масс к борьбе за свободу и независимость.

6. Основные сюжеты социально-бытовой сказки составляют произведения, отразившие антифеодалную тематику в социально-обусловленных конфликтах, являющихся художественным воплощением важных сторон народного мировоззрения.

7. Идеино-художественные особенности сказок на антифеодалную тематику обусловлены богатством мотивов, разнообразием традиционных приемов построения действия, явлениями копирования сюжетов.

8. Анализ современных форм бытования некоторых сатирических сюжетов выявляет их тенденции к эпичности, повествовательности, к детальной фиксации и разработке действия, к мотивировке поступков персонажей.

9. В записях сказок последних лет отчетливо выступают реалистические элементы, способствующие созданию ярко выраженных социальных типов (разнообразные художественные средства и способы сюжетосложения, яркая авторская характеристика, особый лексический и эмоциональный строй речи, специфические черты портретной зарисовки).

10. Выделение образа из сказочной среды с определенной социальной обусловленностью закономерно приводит к выводу о неисчерпаемости художественных средств, таящихся в фольклоре, необходимости исследования проблемы создания сатирического образа и уже обозначившихся реалистических принципов его типизации.

А. М. Ганиева

О СОСТОЯНИИ СБОРА И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОР О ШАРВИЛИ

1. Исследование жанров устного народного творчества — одна из задач дагестанской фольклористики.

2. Наличие белых пятен в записи многих жанров лезгинского фольклора, отсутствие систематической собирательской работы — следствие не полного представления

об ареалах распространения произведений с бытованием образа Шарвили.

3. Собираание и изучение текстов начинается в после-революционный период. Впервые легенда о Шарвили была включена в сб. «Лезгинский фольклор» в 1941 г. А. Гаджиевым. Поэтому в основу исследования легли записи советского периода, сделанные, главным образом, в последние годы. В рукописном фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР сосредоточен разножанровый материал о лезгинском богатыре, полученный в результате фольклорных экспедиций. Однако собираание и систематизация произведений стадильно специфического типа народного творчества все еще остается насущной проблемой лезгинского фольклора.

4. Многожанровый материал, объединенный общностью темы и единством идейно-образной системы, воссоздает неповторимый образ защитника лезгинского народа. Произведения же о нем — вполне самостоятельный раздее народного творчества.

5. Относительно древности бытования фольклора о Шарвили существуют различные мнения (Р. Магомедов, А. Назаревич выдвигают гипотезу о раннем возникновении эпоса и его разрушении, Ф. Вагабова относит его к поздним эпическим жанрам. Она пишет о возможности возникновения образа Шарвили, защитника родины, в период консолидации и борьбы народа против иноземных захватчиков в кн. «Формирование лезгинской национальной литературы»).

6. Собранный нами материал, его анализ свидетельствуют о вполне сложившихся самостоятельных жанрах, циклизирующихся вокруг Шарвили, создающих обобщенный образ богатыря.

7. Для разграничения материалов фольклорных экспедиций (богатырские сказки — записи в Кусарском районе Аз. ССР: предания, легенды и песни — записи в Ахтынском и Кусарском районах), выделяется круг произведений, принадлежащих к этому фольклору.

8. Тезис о существовании жанров (богатырские сказки, предания, легенды и песни) подтверждается: нами отобрано 16 сюжетов богатырских сказок, 20 преданий и легенд и 6 текстов песен. Отнесение вариантов к тому или иному жанру оказывается иногда не бесспорным. Порой вариант близок и к сказке и к легенде, объединяя

черты разных жанров. Вывод о жанровой принадлежности невозможен без учета вариантов.

9. В классификации жанров использованы фольклорные материалы, собранные также писателями Б. Салимовым, З. Ризвановым и И. Казиевым.

Литературная обработка народных произведений о Шарвили, сделанная писателями, требует критического отношения.

10. Накопленный материал и дальнейшая собирательская работа в целях выявления максимальной вариантности помогут исследователям проследить генезис и эволюцию фольклора о Шарвили, его связь с фольклором народа Дагестана и других народов.

instituteofhistory.ru

Ф. И. Вагабова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ОСНОВЕ ОБРАЗА ШАРВИЛИ

1. Новые данные экспедиций последних лет внесли значительные коррективы в существующие представления об ахтынском фольклоре «Шарвили». Он представляется теперь объединенным не только героем, но постоянными, кочующими из текста в текст, семью основными эпизодами. Отчетливый процесс смены героического сказания историко-героническим жанром и балладой в цикле не завершен. Больше того, средства фольклорной типизации оказались подчиненными «клопывшемуся к идеализации» методу средневековой литературы (Д. С. Лихачев). Освящение, обожествление и соответствующая психологическая разработка превращает образ защитника отечества в символ не только истинной патриотичности и народности, но прежде всего в символ **подлинной святости**.

2. Свойства личности нового героя «организуют» конфликт в условиях изменившейся исторической действительности XVI—XVII вв., когда идея борьбы народных масс с иноземным и феодальным гнетом многократно осложнилась, столкнувшись с могучим идеологическим оружием противника — освящением феодальной власти. Проходящая через все средневековые оппозиция феодализму «выступала соответственно условиям времени то

в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» (Ф. Энгельс). Вооруженный «соответственно условиям времени» Шарвили и стал подлинным геросм эпохи, полной напряженных противоречий.

3. Судя по характеру питающего образ учения, а также по отмеченному особой изысканностью и самобытным исполнительским мастерством творческому почерку, борьбу с рутинной, косностью, невежеством, опутавшими всю систему, культуру, человеческую личность средневековых южно-дагестанских обществ, начинают безымянные проповедники оппозиционной ортодоксии суфизма. Того суфизма, который обрел в странах Ближнего Востока «размах и дозволенность европейской реформации» (В. Б. Никитина). Устные рассказы о богатыре и шейхе Шарвили (возможно наиболее яркие из тех, что связываются с именами пиров и шейхов, поздними мусульманскими миссионерами в Дагестане) находят типологические аналоги в еретических литературах Ирана, Турции, Индии средних веков.

4. Аллегорический, по существу, конфликт обличает не личности, а действующую в обществе систему и господствующие нравы. Сюжет движется действиями врагов Шарвили. Преследованиями, затем и убийством невинного, отмеченного всеми знаками божественного благоволения, они развенчивают собственный нимб теократической власти.

5. Развенчание высокого в эстетическом идеале прошлого отзывается неожиданным расширением сфер действия гуманизма. Чудотворец и богатырь, человек высокой и истинной нравственности, защитник отечества и народный заступник, причем бесконечно одинокий и обреченный, Шарвили соединил в себе исключительные личные достоинства и возможности с бессильем человека, судьбу которого вершат внешние силы. Возвращение героя народу, у которого он был некогда заимствован — процесс закономерный — и, сопряженная с этим, реалистическая трактовка всего цикла, выявляет отчетливую тенденцию типизации художественного образа. Шарвили — личность, причем личность более всех неприемлемая косными, темными силами средневековья — становится высшей точкой концентрации интересов страдающей и борющейся героической народной массы. Шарвили связывает гуманистический реализм

с совершенно новыми областями национальной, народной и человеческой жизни.

Отразивший и силу, и слабость нараставшего, в скрытой пока форме, демократического движения, наш памятник явился дуровозвестником народной (т. е. «устной») литературы Дагестана, явившей серьезные открытия в области художественного познания действительности XIX—начала XX вв.

Ф. З. Абакарова

НОВОЕ ОБ АРХАИКЕ В АВАРСКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСНЯХ

1. На фоне яркой и многокрасочной картины слова горцев самым не собранным оказался детский фольклор, представляющий собой большую, интересную и своеобразную страницу творчества дагестанского народа — синтез искусства слова и педагогической мысли.

2. За последние годы при сборе детского фольклора в районах Аварии нами выявлены колыбельные песни, в образной системе которых и в изобразительных средствах сохранились реликтовые элементы древности, дающие нам возможность предположить, что колыбельные песни народов Дагестана — продукт древней духовной культуры.

3. На наш взгляд, наиболее древними сравнениями, встречающимися в колыбельных песнях, являются сравнения ловкости и меткости сына с глазом и стрелой Гилгамеша. Эти сравнения очень орхаичны и возникает вопрос: каким образом дагестанцы познакомились с древним эпосом шумер? Исторические и лингвистические данные о взаимоотношениях Дагестана с Ближним Востоком позволяют предполагать, что поэма о Гилгамеше могла быть занесена и распространена в этом ареале в период неолита, благодаря широкому распространению в тот период на Кавказе и в Дагестане «куро-аракской группы».

4. В аварских колыбельных песнях, посвященных мальчику, отразились выработанные народом на протяжении многих веков высокие героические идеи и различные периоды разных пластов дагестанского фольклора.

Черты героического образа колыбельных песен встречаются в мифическом пласте фольклора, и являются в своей совокупности наиболее ранним слоем фольклорного комплекса.

5. И наконец, древнейшими художественными приемами в дагестанских колыбельных песнях представляются обращения к ребенку не по имени, а символически, и уподобление его образу животных и птиц. Такое явление издревле сопутствует колыбельной поэзии многих народов и племен. На наш взгляд, первоначально это было связано с древнейшим обычаем людей не называть прямо имя ребенка, чтобы сохранить ему жизнь, здоровье, уберечь его от нечистых сил. Впоследствии это становится традицией фольклорной эстетики колыбельных песен и одним из художественных приемов обрисовки образа.

А. М.-Х. Абдурахманов

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ЖАНРА НАРОДНОЙ БАСНИ У АВАРЦЕВ

Проблема исследована в порядке эксперимента только в одном Казбековском районе, в селениях: Зубутли, Гуни, Буртунай, Калининаул, Ленинаул, Инчха, Хубар

Сопоставительный анализ и обобщение материалов поисковой работы по данной теме за 1976—1977 годы приводит к следующим заключениям:

1. В большинстве случаев жанр прозаической басни в современном своем бытовании, несмотря на наличие четко дифференцированных жанрообразующих и формообразующих признаков, в народе не выделяется из общей системы сказочных сюжетов о животных и притч. В фольклоре терминологическое ответвление басни от сказок о животных и притчи не состоялось, в силу функциональной общности басни с этими жанрами. Встречаются моменты, когда басню называют «мисал» («пример»). Однако чаще басни именуется сказками. Жанр народной басни зарождался и вызревал внутри сказки о животных и до настоящего времени не рассматривается собирателями и исследователями (А. Чиркеевский, З. Алиханов, М. С. Саидов, М. Муртузалиев и др.) как

отдельный жанр фольклора. Первые попытки сопоставительного анализа в плане постановки о взаимодействии притчи, басни и сказки в фольклоре дает М. Р. Халидова в исследовании «Малые дидактические жанры аварского фольклора» (Махачкала, 1974).

2. Некоторые басенные формирования встречаются в структуре целой сказки, даже волшебной («Волк и Дятел», «Дикая птичка», «Санхан и Хабхан», «Осел» и др.). Басня включается в контекст сказки и становится ее составной частью, несмотря на наличие специфических композиционных элементов и целостность внутренней структуры. В таких случаях басня в сказке выполняет роль вводных новелл и подчинена общей идейно-тематической направленности сказки. На монтажке чисто басенных сюжетов в общей структуре сказок сказывается известное импровизаторство исполнителей.

3. В ряде селений (Ленинаул, Калининаул) со смешанным национальным составом (аварцы и чеченцы) встречаются идентичные варианты басенных сюжетов («Осел», «Волк», «Лиса и Лев», «Волк и Бык», «Лисий друг» и др.). Характерно, что чеченские тексты более длинные и имеют тенденцию к форме рассуждения, в то время как в аварских — преобладают форма диалога и краткость. В морали существенных вариаций не встречается.

4. Наряду с общедагестанскими басенными сюжетами нередко встречаются и сюжеты, известные по восточным (сб. «Калила и Димна») и европейским («Эзоп») книжным источникам. Как правило, они претерпели некоторые изменения и вариации, обусловленные социально-историческими, культурными и географическими особенностями Дагестана.

5. Басенные сюжеты Гамзата Цадасы, З. Гаджиева, а также И. А. Крылова за редким исключением преподаются как фольклорные произведения (Г. Цадаса: «Слон и Муравей», «Вор-примиритель», «Заяц и Лев»; «Барсук и Медведь», «Куница и Волк»; И. А. Крылов: «Ворона и Лисица», «Волк и Ягненок» и др.). Следует отметить, что и эти произведения бытуют не под термином «басня», а в большей степени — сказка, рассказ, притча, в меньшей — «мисал» («пример»), а то и «кечI» («песня»). Это своеобразное литературное явление свидетельствует не только о книжном влиянии, но и о глу-

боко народном характере произведений указанных авторов, о близости жанра басни к жизни и к быту народа.

Новые записи ранее неизвестных народных басен («Хабхан и Санхан», «Осел бедняка», «Магома и Чарыки», «Курица и Птенчик» и др.) дают нам материал, свидетельствующий о широком бытовании народной басни у аварцев.

Ф.О. Абакарова

НОВЫЕ ЗАПИСИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ДАРГИНЦЕВ

1. Последние записи даргинских советских исторических песен («Ая-Кака», «Г. Далгат», «А. Богатыров», «Готовьтесь к бою», «Партизаны»), возникновение которых относится в основном к периоду гражданской войны и установления Советской власти в Дагестане, позволяют расширить тематику изучения устно-поэтического творчества даргинского народа.

2. Основная тематика этих песен — воссоздание различных событий периода гражданской войны и революции. Они носят ярко выраженный локальный характер. Новые исторические песни не могли не отразить перемен, происходивших в жизни.

3. В советских исторических песнях возникают новые средства, вызванные необходимостью выражения изменившихся социальных явлений — стремление к точной датировке факта, топографическая точность, последовательное описание событий, характеристика поступков героев, цитация их высказываний и т. д.

4. Советские исторические песни — носители нового эстетического качества — реального историзма, способствующего созданию ярко выраженных социальных типов. Герои, как правило, реальные лица — волевые, сильные, смелые защитники интересов народа (Г. Далгат, А. Богатыров, О. Османов, Р. Нуров). Все лучшие начала народного характера эволюционировали в исторических песнях в сторону жизненного правдоподобия, реалистической конкретизации.

5. Влияние литературных традиций на новые исторические песни изменяет их поэтику. Наблюдается уси-

ление лирического начала и ослабление эпического, в частности сюжетности.

6. Новые исторические песни, как правило, записывали лица, которые либо сами участвовали в событиях, либо были их современниками. Поэтому песни несут явные черты индивидуального творчества, что влечет за собой сближение народной песни с литературной.

Часто новая историческая песня может служить основой литературного произведения, что дает материал для анализа закономерностей влияния фольклора на литературу.

В. С. Кирюхин

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЗАИЧЕСКОГО СОВЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ПРИКАСПИИ

1. Если советский русский поэтический фольклор на Северном Кавказе и в Прикаспии бытует органично — в виде переделок, то прозаический советский фольклор по записям может представлять и оригинальные сюжеты, и этнические заимствования. Так советский русский прозаический фольклор, записанный в Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, Карачаево-Черкесской Автономной области, Гурьевской области Казахской ССР и Красноводской области Туркменской ССР, бытует в виде многих переделок традиционных сюжетов анекдотов, быличек и преданий, хронологически относящихся к советскому времени.

2. Из записей на Кубани (Адыгейская автономная область) и Ставрополье (Кура, Кума, Арзгир), Астраханской области (дельта Волги) характерны оригинальные анекдоты, относящиеся к периоду гражданской войны. Бытуют переделки быличек на темы: а) о живом мертвце, б) о колдунах и лекарях, в) о домовом, г) о ведьме. Но на первом плане здесь предания на тему конкретных исторических событий на Дону, на Кавказе, Крыму, низовьях Волги и Средней Азии в годы Советской власти (самый большой цикл о комиссарах исторически связан с именами всемирно известных полководцев

и местных деятелей революции, цикл о В. И. Ленине). В этих преданиях нашла историческое преломление теории классовой борьбы, непримиримость и острота конфликта. Преданиям типично эпическое отражение событий, своеобразная характеристика образов, использование приемов устного рассказа, диалогов и особенно монологов. И в годы Великой Отечественной войны используются традиционные мотивы (например, об истории кавалерийских подразделений). Записаны предания об участии кубанских казаков в революции 1905 г. и, таким образом, зафиксированы ранние истоки советского прозаического фольклора.

3. Принципиальное значение для наших записей и публикации многообразных форм устного, в особенности фронтового рассказа, высокой его эстетической оценки имеют воспоминания Л. И. Брежнева «Малая земля».

4. Об этнических связях в русской устной прозе на Северном Кавказе говорилось в нашем докладе «Русский прозаический фольклор в Дагестане»¹. Отметим другое: на Ставрополье и Кубани в русской устной прозе в принципе нет этнических связей. Наоборот, национальные меньшинства испытывают решающее влияние русской народной культуры и, конечно, фольклора (греки в ст. Суворовская, кабардинцы-казаки в ст. Губжохов, Серноводская и Соколов, осетины-казаки в ст. Богулов, Полтавка, армяне в ст. Эдиссея, адыгейцы, туркмены в Туркменском районе Ставропольского края). Ставится вопрос об этнографических формах взаимодействия русских и национальных меньшинств.

5. На наш взгляд, в настоящее время на Кубани и Ставрополье идет к завершению процесс формирования советского прозаического фольклора, отражающийся в художественно полноценных текстах, органической контаминации различных жанров, обилии вариантов, развитости рукописной формы бытования и т. д. Формирование советского фольклора требует объяснения. Вместе с тем в национальных районах этот процесс советского русского прозаического фольклора проявляется главным образом в жанре устного рассказа; здесь гибель традиционной устной прозы задерживается этническими

¹ В. С. Кирюхин. Русский прозаический фольклор в Дагестане. Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований 1973—1975 годов. Махачкала, 1976.

связями (на Тереке и Урале обнаружены лучшие сказочники и анекдотисты, например, Н. В. Потапов и Т. Я. Заволока).

М. Г. Юсуфов

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ ТАБАСАРАНЦЕВ

1. Сбором произведений устного народного творчества и дореволюционной литературы табасаранцев занимались в разное время А. Ханмагомедов, Б. Митаров, Т. Магомедов, М. Митаров, М. М. Гасанов, М. Р. Гасанов, М. Курбанов, Т. Магарамов, Г.-А. Гаджиев и другие.

Фактической основой для теоретических выводов о взаимосвязях фольклора и литературы табасаранцев служат произведения народного творчества, собранные нами за последние годы, и обширный материал, опубликованный в альманахах и сборнике «Народное наследие» (сост. М. Митаров).

2. Для аналогий используется материал на тюркском и лезгинском языках. Отмеченное трехязычие в фольклоре подтверждается примерами из дореволюционной литературы, которая, кстати, унаследовала основные темы фольклора.

3. Своеобразное художественное отражение находит в фольклоре героизм и мужество народов в борьбе против иноземных захватчиков. Цикл сказаний о семи братьях и сестре — наиболее интересный цикл. Известный сюжет восточного фольклора переосмысливается в табасаранском фольклоре в патриотическое предание на тему борьбы табасаранцев против персидских завоевателей. (Цикл сказания «Семь братьев и сестра» и стихотворение «Призыв к пароду»).

Табасаранская литература, создавая произведения на героическую и историческую темы, отталкивалась от сказания.

4. В 30-е, 40-е, 50-е годы табасаранская литература осваивала опыт фольклора в разработке антиклерикальной темы. Народные пословицы, поговорки, песни, сказки, направленные против богослужителей, использовались при написании сатирических и драматургических

портретов мулл, шейхов, кадиев, знахарей в произведениях А. Джафарова «Тайна Дюрка», «Кулак Нури», А. Ханмагомедова «Сирота Юсуф» и других.

5. В народном творчестве нашел образную характеристику класс имущих. Конкретизируясь в произведениях безымянных авторов — «Злодей», «Бедняк» и других, социальная тематика фольклора была принята письменной литературой. Гаджи-Саид Зюрдягский («Садака», «В один день»), Мирза Калукский («Ответ хану»), А. Джафаров («От тьмы к свету», «Прежде и теперь») и другие писатели дали прекрасные образы злодеев, богачей, старост, ханжей.

6. Тема неравной, несостоявшейся любви, гибель героев песен в результате невозможности соединения, трагедия браков-сделок, продажа горянок замуж — все это из фольклора влилось в литературу. (М. Митаров поэма «Мастерица», А. Джафаров — «Сестры», «Живых не хоронят», Б. Митаров — «Твой портрет», «Любимая»).

7. Новая литература просветительского направления (И. Чулатский, С. Аркитский, З. Курихи) опирается и на демократические, гуманистические тенденции фольклора.

8. Таким образом, устное народное творчество, выразившее народную эстетическую мысль, интересно для исследователя табасаранской литературы не только как форма общественного сознания, но и как благодатный источник, из которого мастера слова черпали идеи и образы, художественные средства, поэтическую живопись, краски исконно национальной традиции.

З. Н. Магомедов

НОВОЕ ОБ АШУГАХ ТАБАСАРАНА

1. Ашугское творчество табасаранцев не исследовано, это одна из насущных задач дагестанской фольклористики. Много имен талантливых ашугов прошлого и настоящего можно услышать в Табасаранском и Хивском районах.

Осмыслить творчество ашугов Табасарана представляется необходимым совместно с творчеством азербайджанских и других ашугов. Табасаранские ашуги популяризовали у себя дастаны и ашугскую поэзию азербайд-

жанцев. Ашуги исполняли свои произведения на двух языках: азербайджанском и табасаранском.

2. Искусство табасаранских ашугов, как и ашугов вообще, синтетично и многогранно. Типы ашугов:

а) поющие только народные песни, исполняющие дастаны, сказки, легенды;

б) поющие народные и собственные песни;

в) поющие произведения только других ашугов;

г) сами сочиняющие тексты песен, поющие, играющие, танцующие.

Ашугская поэзия табасаранцев, как и всякая песенная культура, зародилась на самобытной национальной почве.

3. Табасаранские ашуги (нам удалось записать произведения ашугов лишь XIX и XX вв.) пели не только в родном селении, но и в Дербенте, лезгинских аулах, состязались с видными азербайджанскими ашугами. Чаще всего исполняли свои песни на народных праздниках, свадьбах, в чайханах, караван-сараях Дербента.

4. Вместе с романтическим изображением интимных лирических чувств мы наблюдаем в ашугском творчестве табасаранцев и отражение народной жизни в реалистическом плане. Это прежде всего относится к творчеству Калуха Мирзы, Уружа Татильского (XIX в.—нач. XX в.), Агабека Табасаранлы (XIX в.), Моллы Байрама (XX в.). Агабек Табасаранлы в совершенстве знал азербайджанский язык и создавал свои песни в основном на этом языке.

5. Любовные песни ашугов Жигера Капдыкского, Гамда Межгюльского, Раджаба Ляхлинского (XIX—XX вв.) своеобразны и оригинальны. Особенности поэтики, самобытным выражением чувств, этнографическими деталями и локальными элементами они отличаются от песен других ашугов.

Мотивы протеста против социальной несправедливости наблюдаем в творчестве ашугов Хасбулата Геригского (XIX в.), его дочери Нигарханум (XIX—нач. XX вв.), Ильяса Кумтильского, Табасаранлы Ахмеда (XIX—XX вв.).

6. Импровизация — основная форма творческой деятельности этих ашугов и активная форма их участия в социальной жизни родного народа.

7. Влияние азербайджанских ашугов на табасаранских очевидно. Оно не только в тематике, структуре, но

и в поэтике народного силлабического стиха. Монологическое начало, ритмическое разнообразие живой импровизации, свободная рифмовка, сплошная рифма, редифы, ассонансы, богатая инструментовка стиха, вопросительные и восклицательные обороты, обыгрывание отдельных слов, имеющих двойное значение, — все, что так характерно азербайджанским ашугам, содействовало созданию выразительности стиха и имело, несомненно, положительное воздействие на творчество табасаранских ашугов.

Ф. Ибрагимова

К ВОПРОСУ О СБОРЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРА БЕСПИСЬМЕННЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(поэтические жанры рутульского фольклора)

1. Рутульцы — одна из бесписьменных народностей, живущая в высокогорной части Южного Дагестана и на территории Азербайджана, имеющая много общего с историческими судьбами всех дагестанских народов. Вместе с тем рутульцы имеют свои традиции и обычаи, свои специфические вехи исторического развития, которые проявились в духовной культуре.

2. Самобытный и своеобразный рутульский фольклор — неисследованная область дагестанского фольклора. Устная поэзия рутульцев не только не изучалась, но и не собиралась. В течение последних лет нами собирался и систематизировался поэтический фольклор рутульцев.

3. Жанровый состав рутульских народных песен в основном типологичен общедагестанским. Традиционный фольклор рутульцев имеет много общего с фольклором соседних народов: лезгин, азербайджанцев, агулов, табасаранцев и др. Однако рутульскому фольклору присущи и свои специфические черты. Своеобразным жанром, характерным только для рутульского фольклора, являются трудовые песни «Аязбыр», связанные с календарно-обрядовым циклом — со сбором лесных ягод и трав.

«Аязбыр» — это протяжные песни, поющиеся только на лоне природы, исполняющиеся соло и хором, и представляющие собой восхваление природы, ее величия

и красоты. Они состоят из двустихия и припева. Припев содержит одну или две строчки и подхватывается хором. Стих припева не связан со смыслом предыдущего двустихия, а подгоняется под музыкальную строку.

4. В обрядовой поэзии нами зафиксированы своеобразные свадебные песни, исполняемые во время похорон молодых людей. Во многом уникален и сам обряд похорон молодых, не успевших вступить в брак. Девушку одевают в наряд невесты и исполняют свадебные песни, и только после этого ее оплакивают и погребают в этом наряде. То же происходит при похоронах молодого человека.

В этом обряде этнографический материал тесно переплетается с поэтическим. В предшествовании свадебно-обрядового элемента похоронному выражен трагизм момента.

В свадебной поэзии рутульцев много общего с общедагестанской, но вместе с тем здесь много и своеобразного. Особый интерес представляет жанр свадебных песен-плачей «гъалайлайбыр», имеющий мало аналогий в фольклоре горцев Дагестана (хотя сам термин «гъалайлай» характерен и кумыкам).

5. Необрядовая поэзия рутульцев имеет почти все жанры лирики народов Дагестана. Таковы любовные песни, семейно-бытовые, сатирические, шуточные, детские и т. д. По структуре лирическая песня состоит из четверостиший типа лезгинских «манияр», азербайджанских «бейты», кумыкских «сарынов», лакских «шамма» и т. д.

6. Нами зафиксировано и своеобразное творчество рутульских ашугов: Гаджи-Юсуфа из Ихрека, Джамисаба Саларова, Лезги Самеда, Джаббара Дабузова, Хезерчи и др. Записано около 200 стихов Кор Раджаба.

7. Специфической особенностью фольклора рутульцев является его бытование на трех языках: азербайджанском, лезгинском, рутульском. Порою в одном стихе можно встретить слова из всех языков. В поэзии необрядовой первенствует азербайджанский, затем лезгинский и лишь на третьем месте рутульский язык. И все же многое самобытное, характерное для самого народа, исполняется только на родном языке, и, несмотря на бытование фольклора на трех языках, он все же отражает культуру и общественное развитие именно рутульского народа.

Народная проза вся бытует только на родном языке.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ф. З. АБАКАРОВА	69	А. И. ИСЛАММАГОМЕДОВ	21
Ф. О. АБАКАРОВА	72	Х. Д. КАДЫРАДЖИЕВА	30
М. М. АБДУЛЛАЕВ	9	А. Д. КАЗАНБИЕВ	45
А. М.-Х. АБДУРАХМАНОВ	70	В. С. КИРЮХИН	73
Т. АБДУСАЛАМОВА	46	В. Г. КОТОВИЧ	9
А. М. АДЖИЕВ	59	В. М. КОТОВИЧ	3, 9
Б. Г. АЛИЕВ	32	А. А. КУДРЯВЦЕВ	11
Ф. АЛИЕВА	64	С. А. ЛУГУЕВ	26
Б. М. АЛИМОВА	28	Д. М. МАГОМЕДОВ	35
М. Ш. АСЛАНОВА	24	З. И. МАГОМЕДОВ	76
Т. АНТБЕРОВ	45	М. Г. МАГОМЕДОВ	7
Ш. М. АХМЕДОВ	32	И. А. МАГОМЕДОВ	36
А. Г. БУЛАТОВА	22	М. М. МАММАЕВ	50
Ф. И. ВАГАБОВА	67	М. Х. МАНСУРОВ	39
Г. А. ГАДЖИЕВ	29	Р. И. МИРЗОЕВ	9
М. Г. ГАДЖИЕВ	1	М.-Р. МУГУМАЕВ	42
М.-Г. А. ГАДЖИЕВ	19	М.-Г. НУРМАГОМЕДОВ	42
М. С. ГАДЖИЕВ	11	М. О. ОСМАНОВ	16
Ю. М. ГАДЖИЕВ	15	З. Б. РАМАЗАНОВА	20
Г. Г. ГАМЗАТОВ	11	М. А. РАСУЛОВ	49
А. М. ГАНИЕВА	65	М. М. РАСУЛОВА	9
Ф. А. ГАНИЕВА	56	М.-С. САИДОВ	42
С. М. ГАСАНОВА	58	С. Б. САЛИМОВ	11
О. М. ДАВУДОВ	4	М.-С. К. УМАХАНОВ	37
П. М. ДЕБИРОВ	52	А. М. УМАХАНОВА	54
Г. Х. ИБРАГИМОВ	55	А. М. ХАЗАНОВ	11
М.-Р. А. ИБРАГИМОВ	25	М. Р. ХАЛИДОВА	62
Х. А. ИБРАГИМОВ	48	Х. М. ХАЛИЛОВ	61
Ф. ИБРАГИМОВА	78	М. И. ШИГАБУДИНОВ	32
А. А. ИВАНОВ	45	А. Р. ШИХСАИДОВ	40, 42
А. А. ИСАЕВ	43	М. Г. ЮСУФОВ	75

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ	1
ЭТНОГРАФИЯ	16
ИСТОРИЯ	32
АРХЕОГРАФИЯ, ЭПИГРАФИКА	40
СОЦИОЛОГИЯ	46
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	50
ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ	55
ФОЛЬКЛОР	59
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	80

instituteofhistory.ru

МАТЕРИАЛЫ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИТОГАМ
ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДАГЕСТАНЕ
В 1976—1977 гг. (Тезисы докладов)

Редакторы *З. А. Колмакова, Е. И. Чернигова.*
Технический редактор *П. Эльдарушева.*

Сдано в набор 24/IV-78 г. Подписано к печати 13/IV-78 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,1.
Заказ 321. Тираж 300 экз. Цена 32 коп. С03039.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.